

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Елена ГОРЕЛИК

СТАЛЬНАЯ РОЗА

Защищаться! Защищаться любым способом...

Елена Горелик

Стальная роза

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Горелик Е.

Стальная роза / Е. Горелик — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-097491-7

Что делать, если твой родной дядя – убийца и собирается с тобой расправиться по принципу «война всё спишет»? Правильно: защищаться. Защищаться любым способом. И – бежать, когда месть совершилась, потому что в стране, где нет закона, защищаться не имеет права никто. Что делать, если в твои руки попал «артефакт», отправивший тебя сквозь века и пространство. Правильно: выживать. Но если на плечах есть голова, в голове мозги, а руки растут из положенного места, задача не так уж невыполнима. Ведь Поднебесная империя времён расцвета династии Тан – не самое худшее место на Земле. Здесь есть, где приложить свои умения, и есть, кому передать «воспоминания о будущем», пусть даже ты и не хочешь этого делать. Но если на тебя охотятся бывшие хозяева странного «артефакта», выбора нет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097491-7

© Горелик Е., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	33
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Горелик

Стальная роза

Роман

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Елена Горелик, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Убийца

– Яна, ты ещё дома?

Он до сих пор произносит её имя как «Яана». Старый упрямый козёл.

– Да, дядя Юри. Билеты у меня на завтра.

– Я заеду к тебе. Помянем сестру...

– Заезжай. Жду.

Голос блеклый, выцветший, словно старый протёртый ковёр.

Он не знает.

Он заедет, чтобы довершить начатое. Что он там радостно сообщал умирающему отцу? «Порежу твоё отродье и её ублюдка», не так ли?

Впервые в жизни, а не в детективном романе, она тщательно спланировала убийство.

Почему-то ей совсем не было страшно. Да, это, как ни крути, родной дядюшка. Да, из своих сорока пяти он двадцать пять лет посвятил накачиванию мускулов и накоплению ненависти. Ни дома – квартира давно в залоге, – ни семьи. Типичная судьба клинического неудачника, подавшегося, в довершение картины, в нацисты. Да, если он хоть на секунду заподозрит племянницу в нехороших намерениях, то убьёт с одного удара. Но...

Она не могла поступить иначе. Просто не имела права.

«Приезжай, дядюшка. Приезжай. Ты умрёшь быстро и относительно безболезненно. Даже быстрее и безболезненнее, чем убитая тобой мама. А жаль. Ты должен умирать медленно и страшно. Как умирал папа. Жаль, ты не успеешь понять, за что подохнешь, но иначе я не смогу... отомстить».

Она старалась не думать о том, что окончательно свихнувшийся дядюшка приехал довершить «очищение» семьи от ненавистных его сердцу полукровок. От неё и её сына. Да уж. Если у крепкого здорового мужика в графе «жуткий враг, немедленно уничтожить» числятся женщина и десятилетний пацанёнок, это много о нём говорит.

Если бы ей просто рассказали, пусть даже с подробностями и доказательствами вины, она бы поверила, но вряд ли стала бы строить планы мести. Не в её характере это было. Но *та* видеозапись... Одно дело просто знать о факте, и совсем другое – точно знать, что и как происходило.

Дёрнул же её чёрт подарить родителям систему видеонаблюдения, когда они переехали в отремонтированный бабушкин домик. А заодно подключить эту систему к онлайн-сервису, хотя об этом кроме неё знал только папа. Что ж, нельзя сказать, что подарок был бесполезен. Два года назад с его помощью поймали воришку. Сейчас... Сейчас, если есть на свете хоть какая-то справедливость, будет покаран убийца.

Главное – хорошо сыграть свою роль.

Она поймала себя на том, что вертит в руках кокетливый белый айфон. Положила его на стол и почему-то посмотрела на ни в чём не повинный аппарат как на врага. Этот телефон придётся или оставить в квартире, или выбросить в ближайший мусорный бак, предварительно вынув симку и уничтожив все данные. В сумке лежит выключенный до поры до времени аппарат поскромнее, с «чистым» номером, купленным на днях в маленьком придорожном магазинчике. Квартира продана, ключи уже у новых хозяев, завтра крайний срок выезда. И билеты на самолёт куплены. Вот только... только одно дело осталось.

Ванечка не спит. Он получил строжайший приказ запереться в своей комнате и не открывать никому, кроме мамы... Малыш тоже знает. Случайно увидел кусочек записи, и...

«Я убью его! Мама, я его убью! За дедушку и бабушку!..»

Любую мать привели бы в ужас слова десятилетнего ребёнка, говорившего с яростью взрослого. Любую. Но не её.

«Нет, Ванюша, – сказала она, дивясь своему спокойствию. – Не „ты“, а „мы“... Мы его убьём».

Это было безумие. Холодное и расчётливое.

Решение было принято именно тогда. Случилось то, что в Уголовном кодексе именуется «сговором двух или более лиц с целью совершения преступления»: мать и сын, едва оправившись от горя, сочинили план мести и продумали несколько путей бегства. Банда, к которой прибился дядюшка Юри, не спустит смерти поделщика, особенно если объекты мщения – женщина и мальчишка. Да и на взрослого мужика меньше чем в пятером на одного, не полезут, несмотря на полнейшую индульгенцию так называемых властей. Так что тщательное изучение расписаний всех видов транспорта заняло весь вчерашний день. А сегодняшний был посвящён химическим изысканиям.

Если женщина задумала убийство, она вряд ли выберет нож. Разве что в пылу дикой ссоры ударит простым кухонным хлеботорезом. Но и то чересчур велики шансы самой быть зарезанной, слишком неравны силы. Пистолет? Этого добра на чёрном рынке сейчас полно, и деньги есть. Но – слишком шумный инструмент. Дядюшка ведь наверняка не один припрётся, оставит дружков внизу, дожидаться финала семейной драмы. Он это и там, в доме родителей, сделал... На звук выстрела они всей толпой наверх ломанутся, а планы на ближайшее будущее у неё были несколько иными. Главное, чтобы Ваня не пострадал, а там видно будет. Оставалось только одно оружие, которое слабые женщины с разной степенью успешности использовали уже не первое тысячелетие.

Яд.

Ау, синьора Тофана!..

При наличии мало-мальских познаний в химии, бескрайнего Интернета, магазина химреактивов и кухни с хорошей вытяжкой, состряпать ложечку ядовитых белых кристаллов не составило большого труда. А после дядюшкиного звонка она не поленилась сходить в ближайший супермаркет и купить кило печенья, которое вот уже полчаса разит на всю кухню миндалем. А уж лицедейству женщину, пять лет державшую на плаву фирму, доставшуюся от покойного мужа, учить было не надо. Без этого умения ни товар не сбыть, ни отчёта в налоговую не сдать. Правда, никогда ещё не была так высока ставка. Это не штрафом рисковать, а головой. Добро бы только своей, ведь и сына под удар подставляет.

Дядюшка должен увидеть убитую горем женщину, желающую только одного – поскорее уехать к родне в Эстонию. Если ради этого нужно будет поплакаться ему в жилетку – она поплачется. Даже продемонстрирует билеты и попросит проводить в аэропорт. Надо будет – при нём позвонит тётке Лейде в Тарту. Мол, скоро приедем, жди. Иными словами, она сыграет роль ничего не подозревающей жертвы.

Она будет вести себя точь-в-точь как... как мама в тот день. А дядюшка Юри очень любит кофе. Без сливок, с сахаром.

Интересно, он у всех, кого убил, кофейничал, или только родственникам такая привилегия?..

Вряд ли она успеет это выяснить. В последние секунды жизни ему будет немного не до разговоров о грехах и воздаянии.

Под окном негромко протарахтел и тут же умолк двигатель, хлопнули дверцы.

Яна осторожно выглянула из-за занавески. Козырёк подъезда закрывал обзор, да и темнота кругом. Но падающий из окна первого этажа свет выхватил знакомую блеклую физиономию.

Явился, не запыхавшись. С кем-то разговаривает, а с кем – не видно. Это плохо. Если его дружки останутся у подъезда, выйти незаметно не получится. Сколько их? Двое, трое?.. Что ж, придётся действовать по обстановке.

Ввяжемся, а там посмотрим, как говорил один корсиканец.

«Господи, я не прошу твоего благословения. Это было бы кощунством.
Об одном молю: не мешай...»

«М-да. Актёрские способности – это наша семейная черта».

Дядюшка Юрий тоже играл. И как играл! Сам Станиславский не выкрикнул бы свою бессмертную реплику, глядя на это бесцветное лицо, хранившее скорбную мину. А голос-то, голос! Ну, ни дать, ни взять, крутой мужик едва сдерживается, чтобы не уронить скупую слезу. Любимая сестра убита, её, пусть и нелюбимый, но достойный супруг – тоже... И ведь ни разу не переиграл, всё выглядело вполне естественно... для нормального человека. Бедная сиротка Яна не отставала от дяди. Тихий голос, скупые слова, иногда невпопад. Вид растерянный... нет, скорее, потерянный. Слёзы уже выплаканы, остались только глухая боль и невероятная усталость.

– Что собираешься делать? – поинтересовался дядя. – Я слышал, ты продала квартиру.

– Да, – Яна вздохнула. – Тётя Лейде говорила, у них там цены на недвижимость меньше, можно купить хорошую квартиру, и ещё останется на жизнь, пока работу найду.

– С работой там не так уж и благополучно. Кризис... Хотя, говорят, специалисты твоего профиля востребованы в Англии. Гражданство ты получишь легко, а там свободный выезд в Европу. Тебе бы стоило записаться на языковые курсы. Твой эстонский ужасен.

– Да, дядя Юрий. Наверное, так и сделаю. Я... давно ни с кем не говорила по-эстонски.

Яна ничем себя не выдала. Ни жестом, ни взглядом, ни интонацией.

Эстонский паспорт у неё уже года три как имелся. Законы Украины запрещали иметь двойное гражданство, но уведомлять государство о втором паспорте сотни тысяч граждан почему-то не торопились. Не стала исключением и Яна. Но вот дядюшке, как и государству Украина, об этом знать было ни к чему.

Если её план завершится успехом, то разыскивать за убийство будут гражданку Украины Яну Рудневу с сыном Иваном. Тоже Рудневым. А границу пересечёт гражданка Эстонии Яна Синиярве, с сыном Яном Тоомасом. Тоже Синиярве. Оформиться на девичью фамилию матери стоило нервов и денег, но эстонский паспорт здорово помог при закупке оборудования из Германии, а сейчас поможет в более серьёзном деле... Если второй паспорт и не сойдёт с рук, то, по крайней мере, отсрочит неприятности, пока они там догадываются, что к чему. Нужно время, чтобы успеть устроить Ванечку. И вовсе не обязательно у добродушной тётушки Лейде в Тарту. Есть и другие варианты. Позаботиться о сыне. Это – главное, остальное – такие мелочи...

– Так и продала квартиру, с обстановкой?

– Не тащить же всё это в самолёт. Перевозка обойдётся дороже, чем купить новое на месте.

– Ты права... Могу я закурить?

– Да, дядя Юрий. Только окно открой, пожалуйста.

Доставая пачку сигарет, дядюшка выложил на стол ключи и дешёвый телефончик-звонилку. Ключи были явно не от дверного замка. Скорее, от машины. Ну, да, и брелок в виде логотипа «Ауди». Значит, не слишком доверяет друзьям. Это хорошо. А вот телефон на столе и демонстративное курение у окна – это плохо. Даёт им знак быть наготове.

Всё. Пора.

– Нам в аэропорт рано утром, – тихо проговорила Яна. – Я всё равно не усну. Может, выпьем по чашечке кофе?

– Не откажусь, – последовал ответ. Вполне ожидаемый, надо сказать.

– Тебе со сливками?

– Нет. Чёрный, с сахаром, если можно.

Момент истины.

Даже в глазах потемнело, когда она поднялась со стула. Будто от неимоверной усталости или волнения.

Не дай бог задрожат руки...

Не задрожали. Хотя в самый последний момент её уколола ледяная игла страха. «Мамочки, что же это я?..»

Но пока мозг паниковал, руки уже сделали дело. А запах и так был надёжно замаскирован амбре, распространяемым горкой печенья в вазочке. Теперь только подать кофе, не перепутав чашечки.

А было бы нелепо, согласитесь...

Но свою порцию нужно выпить, чинно, не торопясь, чтобы этот выродок ничего не заподозрил.

Кофейную горечь она почти не почувствовала, все силы и все помыслы направив на самоконтроль. Не выдать ни тревогу, ни обжигающую радость, когда дядюшка не церемонясь выхлебал свою порцию одним глотком и загрыз миндальной печенькой.

– Если думаешь вывезти деньги наличными, я помогу, – сказал он, работая челюстями. – У меня хорошие знакомые на тамож...

«Как быстро! Ведь это же цианид, конечно, он действует быстро!»

Дядюшка, что вполне естественно, резонно заподозрил неладное. Любой бы на его месте догадался, что что-то не так. Его блеклое, невыразительное лицо исказилось жуткой гримасой – ненависть пополам с ужасом, густо замешанные на *понимании*. Он догадался не только о том, что произошло, но и о том, почему это произошло. Но поделать уже ничего не мог. Как и что-либо сказать.

Доза оказалась, что называется, лошадиной, а агония – короткой. Но он ещё успел увидеть выражение злого торжества на блеклом – почти что визитная карточка их семейства – лице племянницы. Она знала. Знала – и первой нанесла удар... «Несправедливо! Это она должна была сдохнуть, а не я!»

С этой мыслью, полностью отразившей его жизненные принципы, он и покинул юдоль земную.

– Крррыса! – зашипела Яна, когда дядюшка перестал дёргаться на полу. – Сдох наконец!

Итак, первое – телефон и ключи. В сумочку их. Теперь – Ваня.

Она тихо поскреблась в дверь комнаты.

– Ванюша, открой, это я!

Дверь беззвучно открылась. Лицо сына в полутьме коридорчика казалось сплошным белым пятном.

– Что? Всё уже? – зашептал он.

– Да. Уходим.

– А там внизу ещё двое.

– Знаю. Мы их... обманем.

– Как?

– Придумаю что-нибудь. Сумки готовы?

Два рюкзака и дорожная сумка были готовы давно, и Яна загодя спрятала их в комнате сына. Теперь только подхватить их и...

И – что? У подъезда торчат два обормота, явившиеся за компанию с ныне покойным дядюшкой. Даже если они и не знают её в лицо, то на женщину с мальчиком, нагруженную сумками как в дальнюю дорогу, точно обратят внимание. А там заметят и фамильное сходство. Нет, внаглую проскочить не получится. Подвал? У неё есть ключ от решётки, на случай, если у кого-то выше или ниже по стояку трубу прорвёт, так перекрыть вентиль, не дожидаясь прихода сантехника. И через подвал теоретически можно попасть в соседние подъезды. На практике это возможно при наличии ключей от других решёток, а с этим туговато... Заманить их в квартиру и запереть дверь? Из окна высигнут, третий этаж всего, и подъездный козырёк к их услугам.

Стоп.

Заманить в квартиру – вообще-то неплохая идея.

Яна вынула из поясной сумочки с мелочью свою добычу – ключи от машины и дядюшкин телефон. И очень нехорошо улыбнулась.

«Для начала сделаю вот так, – подумала она, зажигая свет в гостиной и погасив лампу на кухне, где уже пополз пока ещё слабенький запах выгребной ямы. – И дверь прикрою, чтобы не сразу с порога углядели. Теперь можно уходить».

Уходить... Сердце больно защемило. В этой скромной «трёшке» они с Димой играли свадьбу, сюда принесли новорожденного сына, вон там в гостиной Ваня сделал свои первые шаги... и там же пять лет спустя стоял большой гроб – от инфаркта, как выяснилось, не застрахованы даже тридцатилетние.

В этом доме Яна пережила и самые счастливые, и самые страшные минуты. Но связь с ним она начала рвать, когда приняла окончательное решение и набрала номер знакомого риэлтора – чтобы нашёл покупателя побыстрее. А напоследок и вовсе осквернила дом убийством. Вот будет новым хозяевам «подарочек», нечего сказать.

Напоследок её обжёл запоздалый ужас: только сейчас дошло, до какой степени она рисковала жизнью сына. А если бы сорвалось?..

Прочь отсюда. Не оглядываясь. Не закрывая дверь на ключ. Этот дом ещё сослужит им с Ваней последнюю службу.

Подвальную решётку даже открывать не пришлось: сантехник как обычно поленился её запереть. Только старый навесной замок грозно свисал с металлической петли. Если смотреть от входной двери, казалось, что решётка закрыта. Ещё один плюс – петли не скрипели. Причину этого выяснять совершенно не хотелось, Яне важен был результат. Но ещё важнее было наличие или отсутствие сигнала сотовой сети. Дядюшкина мобилка старенькая, потрёпанная. Может оказаться как неубиваемым аппаратом фантастической надёжности, так и редкостным хламом... Но нет, сигнал аппаратик исправно ловил даже в подвале.

О звонке не могло быть и речи. Только sms. Но... на какой номер? В памяти телефона их штук двадцать. В журнале последних звонков – за сегодня четыре исходящих, один из которых на её собственный номер, и два входящих. Тут не понять, на какой из них слать сообщение. Вот об этом Яна сгоряча не подумала. Что ж, придётся отправлять sms сразу на все, всё равно терять нечего. У неё будет всего секунд десять-пятнадцать, чтобы добраться до дядюшкиной машины, и ещё меньше, чтобы завести мотор и выехать со двора.

Впрочем, отправлять сообщения на кучу номеров так и не пришлось. Дядюшка, земля ему стекловатой, с чисто эстонским буквоедством предусмотрел эту мелочь: в «черновиках» хранилось составленное пару часов назад sms. Текст коротенький: «Поднимайтесь наверх». И номер, загодя вписанный в поле «Получатель». Только одну клавишу ткнуть и осталось. Почему бы и не ткнуть, раз дядя заранее позаботился не трудить пальцы, которые вполне могли быть в крови?

За железной дверью подъезда тихо тренькнул телефон. Потом кто-то кому-то сказал: «Пошли, Юрик зовёт». Щёлкнул кодовый замок – что ж ему не щёлкнуть, когда код годами не меняется, и соответствующие кнопки протёрты до основания – и те самые два обормота зато-

пали по лестнице. Третий этаж – не девятый, лифт ни к чему. Но лишь когда сверху послышался тихий щелчок открывшейся двери, Яна подхватила рюкзак и сумку и шёпотом скомандовала сыну:

– Вперёд!

Мелкий, вскинув на плечо свой рюкзачок, живо выскочил из-за подвальной решётки и помчался вверх. К выходу. К спасению.

«Десять... девять...»

Тихо открыть и так же тихо закрыть подъездную дверь...

«Восемь... семь, шесть, пять...»

Добежать до побитой жизнью «Ауди», притаившейся под высокой яблоней, попробовать открыть дверцу... Ключ не тот – но их на связке два. Второй подходит...

«Четыре... три... два...»

Открыть дверцу сзади, чтобы Ваня запрыгнул в салон, бросить сумки на сиденье рядом с ним.

«Один... ноль!»

Мотор обиженно чихнул, но завёлся.

«Едем!»

Краем глаза она заметила, что на кухне зажёгся свет. Но они с малышом успели. Успели! Прочь отсюда!

Выскачившая во двор парочка дядюшкиных поделщиков увидела только задний бампер отъезжающей машины.

– Ма! Мама! – звонко выкрикнул Ваня, наблюдавший через заднее стекло, нет ли погони. – Вон они! Руками машут, орут!.. Ма, мы их обманули!.. Ма, они по телефону звонят! Надо тот выбросить, с которого ты smsку им послала, или батарейку из него вытащить!

– Займись, – Яна, бросив ему аппаратик, почувствовала себя уязвлённой: десятилетний сын и то сообразительнее, могла бы ещё в подвале о мобилке позаботиться.

Машину, впрочем, тоже нужно будет бросить, и очень скоро. Потом, возможно, довольно долго придётся идти пешком. А там и такси поймать можно. Никто не удивится скромной неполной семье с сумками, едущей на вокзал. На самую позднюю электричку они ещё успеют.

Главное – выскочить сейчас из города. Банда, к которой примкнул дядюшка, гордо именующая себя «батальоном», не упустит возможности поохотиться на человека, если нет опасности схлопотать пулю в лоб.

А на колёса уже наматывалась светло-серая лента полупустого позднего проспекта...

Закончилась одна жизнь. Начинается новая.

– Добрый вечер! Как мне к вам обращаться?

– Яна.

– Яна, где вы находитесь?

– На углу Гагарина и Одесской, остановка в сторону аэропорта.

– Вы едете...

– ...в аэропорт.

– На какое время вам нужна машина?

– Минут через пятнадцать-двадцать. Я не спешу.

– Хорошо, Яна. Ждите, мы перезвоним вам, как только машина будет на месте. Спасибо, что обратились к нам!

«Замечательный след. Не ниточка даже – толстенный канат. Вот пусть дядюшкины дружки, сколько бы их ни было, за этот канат и хватаются. Спасибо за телефончик ему – за

то, что предоставил такой ценный трофей, – и Ване – за то, что догадался его не выбрасывать вслед за моим айфоном. Второй раз выручает, и последний».

Звонила она, разумеется, не с остановки, а из машины, припаркованной напротив заборчика небольшого рынка. Улица не то чтобы совсем тихая, но поздним вечером там лучше авто не оставлять без присмотра. Вроде бы оживлённый проспект в двух шагах, а на деле именно в таких местах лучше по темноте в одиночестве не прогуливаться.

Вот здесь она и бросит трофейную машину. Даже с ключом в замке зажигания и неплотно прикрытой дверцей. Если охотники до чужого добра не полные идиоты, они такого случая не пропустят. А если они не успеют добраться до бесхозной машинки, тоже не беда. К тому времени вся дядина компашка будет искать её в аэропорту. Злостную «сепаратистку и террористку», отравившую великого героя эстонской нации. Что ж, если они додумались ляпнуть это милиции, то розыски вряд ли будут такими уж тщательными, как если бы искали банальную отравительницу. В здешней милиции дураков нет – вешать на свой горб «политическое», для такого помойного дела есть и более грязные руки.

А она за это время покинет город единственным безопасным для неё путём: пригородной электричкой. Лишь бы выехать за пределы окружной, уставленной блокпостами. В принципе, можно было бы двинуть и по трассе, на любом автобусе, но в том-то и дело, что на блокпостах пассажиров высаживают и обыскивают. Не хватало ещё, чтобы купленные на деньги от продажи квартиры ценности достались какому-то грабителю с большой дороги. И без того заметно потеряла в деньгах, как из-за скорости продажи, так и из-за нежелания продавать за безналичный расчёт по требованию новейшего законодательства. Тогда она не увидела бы ни квартиры, ни денег: обналичить средства со счёта сейчас практически нереально, на валюту жесточайший и мизерный лимит. Часть сразу получила сертифицированными банковскими слитками, часть валютой, которую тоже потратила на драгоценности, оставив немножко на дорогу. Потому её рюкзак при своих небольших габаритах достаточно тяжёл. И потому лучше ехать электричкой, которой пользуются контрабандисты. Там наверняка не досматривают личные вещи. Та электричка поедет только утром. Но в нужном направлении обшарпанные составы ходят каждые полчаса. А уж переждать ночь на одной из станций – не такая большая проблема.

Впрочем, если кое-кто поднимет документы за последние две недели и выяснит, что «дичь» при немаленьких деньгах – Яна ведь не только квартиру экстренно продала, но и фирму – охотиться на неё начнут всерьёз. Такую сказку сочинят, что хоть в Интерпол запрос подавай. А на холодный труп потом подкинут пару гранатомётов: типа, она учинила вооружённое сопротивление... Вот тут и должен пригодиться эстонский паспорт. Другая фамилия – другой человек.

Это Яна додумывала, на ходу вынимая батарейку из дядиногo телефончика. Хорошо. Если действовать чётко, без шараханий, то она не растратит свою фору по времени на глупости. Она сделала всё возможное, чтобы главной версией любого следователя было убийство, совершённое из мести в пылу гнева. В таком случае убийца, особенно женщина, как правило, мечется в истерике, пытаясь как можно скорее убежать. Есть билеты на самолёт – значит, самолётом. Но когда эта версия рассыплется, начнут отрабатывать запланированное убийство. И перекрывать все пути возможного отхода. Хотя и в этом случае у Яны оставались как минимум два варианта выхода из города, но оба варианта предусматривали долгую пешую прогулку огородами и лесопосадками. Выдержит ли Ваня, сугубо городской ребёнок?

Телефон полетел в ливневый сток. Теперь нужно перейти через широченный проспект, где сесть в частное такси. Они там на углу по вечерам гнездятся в ожидании клиентов.

Когда – а она не сомневалась, что преследователи выйдут на её звонок в таксопарк – сюда приедут по её душу, она должна быть как можно дальше от этого перекрёстка.

Таксист – средних лет азиат – окинул пассажирку внимательным взглядом, словно прикидывая толщину её кошелька.

– Куда едем? – спросил он.

– На вокза-ал, пожалуйста, – ответила Яна, имитируя протяжный эстонский акцент.

Водитель невозмутимо кивнул и назвал сумму. Заломил, конечно, но дамочка не производила впечатление необеспеченной. Хотя и поморщилась. Большая дорожная сумка, набитая вещами, была отправлена в багажник, а пассажирка с сыном расположилась на заднем сиденье в обнимку с рюкзаками...

Вот и хорошо, что их принимают за гостей из Прибалтики. Меньше будет вопросов... Странно, конечно: здешние водители как правило местные, а этот откуда взялся? Вьетнамец, что ли? Может быть, но слишком правильно говорит по-русски. Давно тут живёт?.. Всё может быть.

Скоро всё закончится. Скоро можно будет не бояться.

Убийство дяди словно сняло с неё некий древний запрет. Яна чувствовала себя очень странно. С одной стороны – как ни крути, а нарушение заповеди «не убий» налицо, и от этого никуда не деться. А с другой... Возникло ощущение развязанных рук. Теперь, если кому-то вздумается угрожать её сыну и ей самой, этому «кому-то» гарантированы как минимум неприятности со здоровьем. Ударит без раздумий, и, поскольку женщина, даже тренированная, слабее мужчины, то бить будет из всех сил. По возможности – насмерть. Точка невозврата пройдена, запрет нарушен. А там уже «семь бед – один ответ».

Нутром она чуяла фальшь этих самоуспокоительных мыслей, а разумом понимала, что, скорее всего, поступит так, как подскажет не совесть, а инстинкт матери. Защищать ребёнка любой ценой.

Ребёнок, между прочим, не страдал столь глубоким самокопанием. Эта история, естественно, оставила след на его душе, но дети такие вещи переживают почему-то легче взрослых. Вон, достал новый телефончик, включил и играет. Через неделю-другую вряд ли вспомнит произошедшее, тогда как мать будет терзать себя всю оставшуюся жизнь.

Эх, дети, дети...

Под колёсами старенького «Дэу» громко зашуршало неровное покрытие набережной. Через Полтавский, конечно, было бы короче, но проезжая часть там узенькая, и молись, водитель, чтобы впереди не было трамвая. Иначе ехать придётся именно как в трамвае – медленно и с остановками. Недостаток набережной заключался в кривом асфальте, на котором за годы эксплуатации автомобили продавили по две колеи на полосу. А ближе к вокзалу машину начало потряхивать на выбоинах, причём скорости таксист не сбавлял. На почти пустой дороге – на встрече ни души – это всего лишь нервировало. Ничего, что потрясёт. Главное, чтобы быстро доехали.

Неспешно сворачивающий с моста грузовик не заметить было невозможно. Освещение, хоть и «эконом-класса», на набережной присутствовало, грузовик сиял фарами и габаритными огнями. Собственно, перед поворотом на тот же мост и такси должно было сбросить скорость, но... водитель всё с тем же невозмутимо-каменным лицом вдавил педаль газа чуть не в пол. Мотор взревел, и...

Яна всё поняла по презрительно-насмешливому взгляду узких тёмных глаз, отразившихся в зеркале заднего обзора.

Так на неё могла смотреть только смерть.

«Почему он не боится умереть?!» – мысленно взвыла она, и, не говоря худого слова, сделала отчаянную попытку, перевесившись через спинку кресла, вцепиться в баранку.

И время превратилось сперва в кисель, а затем в густой прошлогодний мёд. Следующие две секунды растянулись для Яны в нескончаемый кошмар – кошмар безнадежной борьбы с

равнодушным существом, для которого, похоже, было совершенно безразлично, погибнет ли он вместе со своими жертвами.

Разумеется, ни до какой баранки она не дотянулась. Таксист одним движением отбросил её назад. Пытаясь удержаться, Яна вцепилась в его рубашку. Послышался треск ткани, почти не слышный на фоне ревущего мотора и отчаянно сигналящего грузовика. Что-то тоненько прозвенело. В руке женщины остался воротник и нечто податливое, но в то же время твёрдое. Словно металлическая цепочка.

И время тут же стартовало, как автогонщик, в полную мощь своего вечного мотора.

На долю секунды Яна поймала отражённый зеркалом взгляд водителя. Взгляд, в котором наконец проявился смертный ужас. Услышала крик сына, вцепившегося в неё мёртвой хваткой. Увидела мгновенно приблизившийся борт грузовика. Сжалась в комок, обнимая ребёнка и понимая, что всё закончилось, хоть и не так, как хотелось бы.

Удар.

И...

...и они с Ваней на полном ходу вывалились в густую желтоватую траву.

Под свет белого дня.

В звонкую тишину степи.

* * *

– *Ключ!* – крик метнулся под самый потолок. – Этот болван потерял ключ!

– Мне вернуть его, господин?

– Пошли кого-нибудь, кто поблизости. Перекопай эту степь, но найди мне ключ!

Глава 2

Там, где нас нет

Удар о землю, что называется, вышиб из неё дух. Только и успела, что невероятным образом извернуться боком, выталкивая сына вверх. А следующим воспоминанием стала вода, текущая по лицу.

– Ма! Мама! – Кое-как сфокусировав зрение, Яна увидела встревоженное лицо сына. И только потом заметила у него в руках пластиковую бутылочку с негазированной минералкой, которую, помнится, прихватила в дорогу. – Ты как?

– Н-не очень... – промычала она, поднимаясь и чувствуя тупую боль в левом плече. – Ты в порядке, малыш?

– Я – да. Я на тебя упал, – голос мелкого был почему-то виноватым.

– Где это мы?

– Не знаю... Трава кругом, и никого.

Да уж, сын прав: поинтересоваться своим местоположением не у кого. Степь какая-то. И ветер. Не то, чтобы очень сильный и холодный, а даже сквозь джинсовую курточку пробирает.

– На вот, намажься. – Ваня, оказывается, пока мама смотрела по сторонам и пыталась хоть что-то понять, покопался в её рюкзаке и распотрошил аптечку. Гель от ушибов – да, сейчас это самое то.

И только сейчас, протянув руку за тубиком, Яна заметила, что до сих пор сжимает в кулаке обрывок рубашки того... таксиста.

Значит, это не было кошмарным сном...

Кое-как расцепила сведенные, будто в судороге, пальцы, и в траву из скомканного куска ткани скользнула серебряная змейка. Искать её долго не пришлось: серебро было то ли новым, то ли хорошо начищенным. Что ж, обычная мужская цепочка-«бисмарк». Колечко, на котором держался карабин, порвалось и потерялось, видимо, ещё *там*, а сам карабин сиротливо болтался в ушке застёжки. На цепочке, поддетый на одно из звеньев, болтался довольно массивный и очень красивый кулон в виде круглой бляшки с двумя рельефными иероглифами, по одному на каждую сторону. И... он был ощутимо холодным. Сколько ни держала в ладонях, пытаюсь согреть, всё напрасно.

– Может...

– Что, ма?

– Может, в нём всё дело, Вань? Ты ведь тоже помнишь, как машина летела в борт грузовика?

– Помню.

– Значит, и мне не показалось. Мы должны были разбиться, но выжили и сидим в траве. Всё случилось после того, как я зацепила эту штуку, – Яна подбросила на ладони свой неожиданный трофей. И сразу вспомнились расширенные от ужаса глаза водителя, когда он понял, что лишился... чего? Волшебного талисмана? Сверхтехнологического устройства по переносу хрен знает куда?.. – Только магических артефактов нам не хватало.

– Я не верю в сказки, – совсем по-взрослому хмыкнул Ваня.

– Тогда что это, Иван-царевич? – мать взмахом руки обвела пол-горизонта. – Пожалуйста, не говори, что мы умерли и попали в рай.

– В рай я тоже не верю. Дедушка говорил, что всё можно объяснить рационально, с научной точки зрения.

– Ты хочешь сказать...

– Да. Мы переместились в пространстве. Или во времени. Или и в том, и в другом. Я книжки читал, только там была фантастика, а мы на самом деле...

Что на самом деле, это и так было понятно. Непонятно было одно: что делать и как отсюда выбираться. Степь степью, но если сюда можно было войти, то, наверное, существовал способ выйти. Яна с некоторой надеждой посмотрела на серебряный кулон и вдруг подумала: «Что если он настроен на определённый момент времени – на тот самый, за долю секунды до столкновения? Возвращение было бы... очень насыщенным, хоть и недолгим». Если, конечно, верна именно эта теория. А если другая?

Проверять верность той или иной теории на практике почему-то не хотелось.

Время – лучший доктор. Но только в том случае, если оно у вас есть.

Понимая, что в такой неопределённой ситуации сидеть на одном месте и ждать милостей от природы суть большая глупость, Яна постаралась как можно скорее привести себя в порядок. Синяки и ссадины, полученные при падении, были щедро смазаны, для внутреннего употребления пошли таблетки антибиотика. Мелкий, естественно, скривился, таблетки глотать он не любил. Пришлось припугнуть: «А если мы на другой планете? Даже если и на Земле, то всё равно микробы тут нерусские. Так захотелось заболеть?»

Болезнь, как выяснилось, Ваня не любил ещё сильнее, чем глотать таблетки, потому дело пошло. Затем, после ревизии содержимого дорожной аптечки – порядок, всё необходимое оказалось на месте – Яна перетряхнула оба рюкзака. Сумка с одеждой осталась... там, где осталась. Ну и бог с ней. Главное при них. Нетбук, к сожалению, треснул и категорически отказался включаться. Не беда. Если тут есть мастерские по ремонту, отремонтируют. Если нет – можно будет хотя бы батарею на «банки» для фонарика разобрать. Хороший, кстати, туристический фонарик, с механической и солнечной подзарядкой, такие долго живут. Золото, драгоценности и кошелек – на месте. Что им сделается-то... Бельё, пакет с бутербродами, вода, печенье, складной туристический нож с ложкой и вилок. У сына в рюкзаке почти такой же набор, за исключением ценностей, естественно. Правда, его телефончик, в отличие от нетбука, выжил, и не грех было им воспользоваться для определения собственных координат.

Телефончик исправно включил приложение, но регистрироваться в сети и находить сигнал от спутников GPS отказался напрочь.

Сломался? Не похоже.

Может, скрытое повреждение?

Планшет, что удивительно, тоже уцелел. Исправно поймал запущенные для теста «синий зуб» и вайфай с телефона. Но и он, когда в него поставили сим-карту, тоже ничего не нашёл.

– Ну, точно как в книжках, – восхитился мелкий. – Вот я читал одну, так там люди попали в сорок первый год, и...

– Не надо про сорок первый год, – Яну передёрнуло. – Нам только на войну попасть не хватало. И так от одной еле ушли.

– Хорошо, про сорок первый не буду. Я другую читал, там один айтишник попал в шестьдесят пятый, и у него тоже телефон не мог ничего найти. Так он там потом директором стал.

– Вань, – мать посмотрела на своего отпрыска с нехорошим подозрением. – И много ещё ты таких книжек читал?

– Много. Про самые разные времена, куда наши люди попадали.

– Значит, будешь у нас экспертом. И что нам теперь делать?

– Надо искать людей, ма. А то доедим бутерброды, и всё. А у людей можно будет еду купить.

«Мысль не просто здравая, а невероятно жизненная, – согласилась Яна, выключая электронику и складывая её обратно в рюкзак. – Сынок у меня умница».

– Вон там холм, – вслух сказала она. – Заберёмся на него и осмотримся. Оттуда дальше видно.

– А если не увидим ничего?

– Почему же – ничего? Увидим другой холм. И так пока не найдём людей или хотя бы дорогу.

Солнышко, между прочим, начало припекать, несмотря на прохладный ветер, что навело на мысли о скоротечности времени и отсутствии хоть какого-то укрытия на ночь. Палатки нет. Будь дело в лесу, они вдвоём изготовили бы шалаш. А в степи спасёт только юрта. Где-то тут поблизости наблюдаются материалы для её постройки, или, на худой конец, кочевники с готовыми переносными жилищами? Нет. Индейский вигвам тоже строить не из чего. Значит, сын стопроцентно прав: нужно выходить к людям. Соблюдая при этом разумную осторожность: тут вполне реально нарваться на рабовладельческое общество. Проблем тогда не оберёшься.

Многие знания – многие печали.

В истинности этого утверждения Яна убеждалась не один раз и не только на личном опыте. И ещё добавляла от себя: многие думы – головная боль обеспечена. Сейчас её голова болела о том, как найти людей. Как, найдя людей, не вляпаться в неприятности. Как найти дорогу домой и как здесь прижиться, если поиски окажутся напрасными. Наконец, как уберечь сына от смертельных опасностей. Только за сутки Ваню дважды могли убить, и оба раза она отводила смерть. Один раз осознанно спланировав, второй раз совершенно случайно. Два раза ещё не закономерность, но уже повод насторожиться. Что, если это не за ней, непутёвой, идёт охота, а за... Нет, только не за Ваней! Она не допустит, не допустит, защитит! Нет!

От одной мысли, что ребёнку может грозить какая-то неведомая опасность, Яна едва не впала в неконтролируемую панику. Спасла лишь привычка к самодисциплине. «А ну успокойся, быстро! – мысленно прикрикнула она на саму себя. – Нашла время для истерики, курица мокрая! Лучше подумай, что ты умеешь делать руками и мозгами, чтобы, если что, Ваню прокормить, не то придётся работать другим местом». В самом деле, что она умеет? В принципе, не так уж и мало. В системах видеонаблюдения она разбирается на уровне специалиста высокого класса, что неудивительно: без малого десять лет работать, а последнюю пятилетку руководить фирмой по их установке и наладке... Загибаем первый палец. Кое-что понимает в компьютерах и сетях, без стыковки с ними полноценную систему не поставишь. Это уже два. Готовит вроде бы не отвратительно. Умение, полезное во все эпохи, и это три. Ну, а как насчёт защитить сына и себя от врагов? Всех ведь не заманишь на поздний кофе с цианидом, иногда и ножиком банально помахать надо. А вот тут уже сказалось специфическое воспитание, которое дал ей отец.

Отец...

«Не реветь!»

Это было помимо воли. Просто боль слишком свежая и слишком сильная.

Да, отец воспитывал единственную дочь очень уж нестандартно. Записал в спортивную спецшколу на лёгкую атлетику, и в результате к одиннадцатому классу Яна имела звание кандидата в мастера спорта по бегу на средние дистанции. Оборудовал во дворе их частного домика кузницу и... творил истинные шедевры. Его железные цветы украшали донецкий сад кованых фигур, а на уникальные ворота и оконные решётки выстроилась километровая очередь заказчиков. Отец был несговорчив и привередлив в вопросе выбора декора. На памяти Яны не было ни одного случая, когда он безропотно согласился бы с эскизом заказчика. Выезжал на место, снимал мерку, присматривался к жильцам и сотворял вещь, идеально отражавшую душу дома. Не всегда вещи получались добрыми, но это уже зависело не от мастера, а от самого заказчика и его семейства. Отец сам унаследовал ремесло от деда, тот от прадеда, и так далее, если верить

семейной легенде, вплоть до конца Смутного времени, когда предок рода отошёл от сохи и выстроил кузню. Не отчаялся он, узнав, что жена уже не подарит ему другого ребёнка. Есть же дочь. Сама чему-то у него выучится, и, когда вырастет, своих детей научит. Или к нему приведёт учиться. Собственно, расчёт отца блестяще оправдался. Четырнадцатилетняя Яна буквально не вылезала из кузницы, творя свои маленькие шедевры, которые раздаривала подружкам. К семнадцати она умела выковать любой тип клинка из журнала или каталога, правда, к оружию душа у неё не лежала. А в последнее время часто привозила к отцу внука, и мелкий даже начал помогать дедушке... Но это уже частности. Она умеет делать оружие, и это большой жирный плюс в репутацию, если здесь востребованы кузнецы и клинки. А то, что у наковальни будет работать женщина... Кстати, в очень средневековой Англии гвозди ковали не англичане, а англичанки, даже рисунки соответствующие сохранились. Причём всё это из-за какого-то суеверия, ну да бог им судья... Ах да, отец ещё научил её метать в цель самые разнообразные предметы, от ножниц и авторучек до топора. Зачем? «Никогда не знаешь, что в жизни пригодится», – приговаривал он. До сих пор не пригодилось ни разу. Яна даже сомневалась, что сумеет повторить свои успехи на этом поприще, столько лет уже прошло. Правда, жить захочешь – не так раскорячишься. Надо будет, вспомнит и применит. Если найдётся чем. Кстати, покойный дядюшка знал об этом её умении, и именно потому она выбрала другой способ. Эта сволочь вполне могла ждать от неё вилку в глаз или что-то наподобие, и быть готовой отреагировать как положено. Потому тогда на столе не было даже зубочисток...

От невесёлых мыслей её то и дело отвлекал Иван. Мальчишка без конца выдвигал версии, куда их могло занести, одна другой краше. Под конец договорился даже до фэнтези с эльфами.

– Ма, а вдруг мы не к людям выйдем, а к эльфам?

– Эльфы... – хмыкнула Яна, стряхивая с себя наваждение тяжких дум. – Эльфы в лесу должны жить, а тут степь.

– Ну, тогда к оркам.

– Только их нам и не хватало. И вообще, ты же не веришь в сказки.

– Ну, это я так, фантазирую... Ой, ма, гляди, там дорога!

И правда, с вершины четвёртого по счёту холма открывался вид на неширокую долину, которую пересекала тонкая ниточка дороги. Грунтовой. Достаточно узкой, две телеги не разминутся, не съехав на обочину. Почему-то вспомнились слова папиного друга, посетившего Монголию: мол, если у нас не дороги, а направления, то там между пунктом «А» и пунктом «Б» попросту лежит степь. Езжай, как хочешь, хоть прямо, хоть зигзагами. И это в начале двадцать первого века. Здесь хотя бы вектор обозначен – почти строго с юга на север. Теперь только дойти и попытаться понять, в каком направлении в последний раз по ней прошли или проехали люди. Это несложно, нужно всего лишь посмотреть, как следы накладываются друг на друга.

Впрочем... Вон там, на юге, поднимается облако пыли. Наверное, кто-то едет.

Теперь – наблюдение и осторожность.

– Я нашёл её, господин. Мой исполнитель видит её.

– Где она?

– В восемнадцати ли от форта.

– Она не должна дойти туда.

– Она туда не дойдёт, господин. Но по дороге идёт обоз. Она вполне успеет добежать до них, когда увидит...

– Я должен тебя учить, как поступать с обозами?

– Простите, господин, виноват.

– Мне нужен ключ. Остальное не имеет значения. Эта тварь и так уничтожила двоих наших, и до сих пор не наказана.

– Она будет наказана, господин.

Повозки. Тяжёлые. Запряжённые каким-то крупным рогатым скотом – Яна не смогла бы отличить быка от вола, хоть на картинке, хоть вживую. Просто никогда не интересовалась животноводством. Впрочем, сейчас это неважно. Флегматичные рогатые животинки двигались медленно. Даже на таком расстоянии возникало отчётливое ощущение тяжести, вдавливающей колёса повозок в неподатливую землю.

Кто эти люди? Откуда и куда едут? Зачем едут?

Чтобы не напрашиваться на лишние неприятности и не торчать у всех на виду, Яна сперва присела на корточки, а затем легла в траву, не прекращая наблюдать за медленно тянувшимся обозом. Сын устроился рядышком. Переговаривались шёпотом, хотя на таком расстоянии услышать их не могли.

– Ма, смотри, на телегах сундуки и мешки.

– Да. А на других телегах вижу какие-то ящики. Переселенцы, что ли?

– Вон там дети на возах сидят. И женщины. А мужчины рядом идут. Точно, переселенцы.

Хорошо это или плохо? С одной стороны, переселенцам позарез нужны лишние рабочие руки, а с другой – эти самые руки они вполне могут посчитать полезным имуществом, найденным на дороге. Кто бы ни были эти люди, Яна даже отсюда видела, что отличается от них. Обозники, почти поголовно одетые в серое тряпье неопределённого возраста и происхождения, у кого можно было разглядеть непокрытые головы, все как один были черноволосы. Тогда как её в школе в своё время «наградили» кличкой «Моль». Разумеется, не за яркую внешность. А ещё эти люди не отличались богатырским ростом... Азиаты?

Почему-то вспомнился взгляд того таксиста, или кто он там был на самом деле, и Яна поёжилась. Выстраивалась пока ещё смутная, но не очень приятная логическая цепочка. Таксист-азиат – весьма странный кулон с иероглифами – степь – обоз азиатов. Куда и во что, чёрт возьми, её затянуло? А главное – зачем?

Обоз шёл медленно, за полчаса он едва вытянулся из лощины между двумя холмами в долину, которую пересекала дорога. Дальше на север до самого горизонта просматривалась почти плоская степь, покрытая вызолоченной солнцем травой. Вот туда переселенцы и направлялись. Что их заставило покинуть родину? Война? Голод? Приказ князя или монарха? Возможность обжить новые земли, когда старые уже перенаселены? Всё может быть, но тогда это скорее всего китайцы. Хотя кто его знает...

Вот тут Яна поняла, насколько мало она знает об Азии. Можно сказать, практически ничего. О французском городе Реймсе у неё в памяти хранилось куда больше фактов, чем о том же Китае со времён Цинь Шихуанди по наши дни. А если взять соседние с Китаем страны, так вообще наблюдалась позорная пустота. Допустим, она подождёт, пока обоз поравняется с холмом, где они засели, и выйдет к этим людям. И что дальше? Чужеземка с экзотической внешностью, не знающая ни слова на местном языке и не имеющая понятия о местных же приличиях. Даже если повезёт, и их с Ваней не зачислят в «говорящие орудия», всё равно начинать придётся с нуля. С самых простых слов и понятий. С самой простой и грязной работы – вроде уборки хлева или подметания двора. Не говоря уже о том, что на экзотику кого-то из местных мужчин потянет в обязательном порядке, придётся либо покоряться, либо драться. А Ваня? Ему-то каково будет?

Вереницу невесёлых мыслей прервало странное ощущение. Они всё ещё лежали на вершине холма, наблюдая за обозом, и до сих пор гармонию природы нарушали редкие звуки, долетавшие со стороны переселенцев. Но сейчас вторглось что-то ещё. Вроде бы неслышное, но осязаемое... Осязаемое?

Да. Тело ощущало лёгкую вибрацию, исходившую от земли.

Что бы это могло значить?

Память давала только один возможный вариант: где-то, не слишком далеко, скачет конница.

Яне очень не понравилось сочетание слова «конница» со словом «степь». Ассоциации оно вызывало почему-то исключительно негативные.

Ещё несколько мгновений, и она поняла, почему. Ей, потомку цивилизации осёдлых пахарей и ремесленников, обозники были куда ближе и понятнее, чем кочевые племена той же Монголии. Или Дикого Поля, от которого натерпелись предки отца. Вполне возможно, что и эти люди тоже натерпелись, а потому наверняка выработали способ обороняться от набегов кочевников. Значит, если степняки не пройдут мимо – а вероятность этого не так уж и мала, если отряд у них небольшой – есть шанс добежать до обоза.

Но сперва...

Вибрация быстро усиливалась и уже перешла в едва слышный низкий дробный топот. Яна завертела головой в надежде высмотреть приближающихся всадников, и едва не выругалась вслух.

Всадники выскочили из-за холма, как чёртик из табакерки с сюрпризом. Все в типичном степном наряде, как его представляют по историческим фильмам: длинный тулуп, острокопечная шапка с меховой оторочкой, мешковатые штаны, заправленные в сапоги. Ну, и неизменные луки с колчанами, полными стрел, и щиты, подвешенные на спины. Причём, что интересно, обозники их видеть сейчас не могли, склон холма скрывал отряд. Нападение должно было стать внезапным.

– Ваня, – страх за сына начисто вышиб из неё парализующий страх за собственную жизнь. – Беги туда, на дорогу, к обозу. Предупреди их.

– Мама, я... – воспитанный городской мальчик всё прекрасно понимал и отчаянно боялся, хоть и старался этого не показывать.

– Беги, скорее! – Яна не выдержала и закричала: – Зови на помощь!

– А ты?

– Я тебя догоню. Ты знаешь, как я бегаю. Ну, вперёд! Беги!!!

И он побежал, благо этот склон холма был довольно пологим. Хорошо. Он предупредит обозников об опасности хотя бы своими криками и жестами, раз уж в наличии языковой барьер, а те за это защитят мальчишку. Что же до неё, то она либо догонит сына у самых повозок, либо побежит в сторону, отводя опасность от ребёнка.

«Сколько же их? Пятьдесят? Семьдесят? Нет, больше».

Она почему-то не могла оторвать взгляд от скачущих всадников, и, естественно, проморгала куда более интересное зрелище. На холме, который они с Ваней миновали перед этим, во весь невеликий рост стоял человек. Степняк. Пока Яна, замерев от потрясения, разглядывала его, человек насмешливо свистнул, и из высокой травы поднялся... лежавший до того на боку невысокий конёк. Степняк одним красивым прыжком вспрыгнул в седло и не спеша направился...

Прямо к ней!

«Зараза...»

Какие уж тут раздумья? Некогда варианты прикидывать. Яна вскочила на ноги, вскинула на плечи рюкзак и помчалась по склону вниз, к дороге. Туда, куда бежал Ваня, уже вопивший и размахивавший руками. Оглядываться тоже было некогда, но почему-то она была уверена, что всадник прибавил ходу.

Обозники, завидев бегущего и орущего мальчишку, просто остановились. Они не видели опасности ни в нём, ни вообще где-либо. Но едва в их поле зрения попала бегущая Яна, а за ней замелькал некто, очень похожий на кочевника, реакция их стала немного предсказуемой.

Если бы кочевник был один, он проехал бы себе мимо, никого не трогая. Но если он на глазах у более чем сотни человек, путешествующих явно не безоружными, нагло гоняется за женщиной, значит, явился с компанией. А учитывая горький опыт прежних столкновений, численность компании наверняка сравнима с численностью переселенцев. Всех скопом, с женщинами и детьми... Пока под ногами шуршала суховатая трава, Яна бежала осторожно, боясь нарваться на норку или ямку и переломать ноги. Потому, когда она достигла дороги, всадник не только перевалил через гребень холма, но и преодолел добрую половину спуска. Оглянувшись, женщина хорошо разглядела его скалящееся в улыбке круглое узкоглазое лицо, выдубленное ветром и солнцем. И руки, снимавшие с луки седла бухту верёвки... Верёвки? Аркана!

И...

Тело вспомнило вколотенную спортивной спецшколой науку без подсказки разума.

До обоза хорошо если метров четыреста. А на такой дистанции можно не снижать скорость до самого финиша.

Высокий старт – набор скорости – держим темп и, главное, правильное дыхание.

Раз, два, три – вдох. Раз, два, три – выдох.

Вряд ли она сейчас показала бы хоть какой-то результат. И спорт давно заброшен, и рюкзак на плечах, и дорога отнюдь не идеальна. Не за результатом она гналась, а бежала от... чего? Неважно. Кого собираются арканами ловить, тому лучше находиться от людей, их применяющих, как можно дальше. И точка.

Она помимо воли улыбнулась, увидев, что обозники, успевшие достать с телег щиты, луки со стрелами и что-то вроде арбалетов, расступились, пропуская Ваню, и снова сомкнули неровный строй за его спиной. А по топоту лошадки, явно перешедшей на галоп, и злобным выкрикам степняка, догадалась, что того постиг жесточайший облом. Он не ждал, что жертва сможет настолько повысить скорость передвижения, а приближаться к лучникам обоза в его ситуации было опасно. Пристрелят, и даже не извинятся. Поэтому последние десятки метров она преодолела без надрыва, классическим финишным усилием.

Воины расступились и перед ней. И точно так же, судя по звяканью железа, сомкнули ряды. А один из них, почти мальчишка, что-то застрекотал на совершенно непонятном языке и указал на вторую с головы обоза телегу. Точнее, под неё.

– Ма! Мама! Я тут! Давай сюда! – донеслось оттуда.

Сердце с отвычки выплясывало тарантеллу, лёгкие не желали успокаиваться, адреналин зашкаливал. Но это не помешало Яне оглядеться.

Там, куда она заскочила, не раздумывая, едва не на четвереньках, уже сидели несколько человек. Старая бабка с девочкой примерно Ваниного возраста и мальчишкой лет шести, и две девушки. Ну, помимо Вани, естественно. И все они, кроме её сына, судя по выражению лиц, находились в состоянии крайней степени ужаса. Того самого, когда точно знаешь, что ничего не можешь поделать с подступающей бедой.

А беда подступила. К степняку, так и не успевшему воспользоваться арканом, на подмогу пришла его вышеупомянутая компания.

Яна видела, как мужчинам, не имевшим ни доспехов, ни оружия, раздавали копья. Копий даже по её прикидкам было больше, чем мужчин.

И ещё... На неё стали коситься. И те, кто сидел с ней под одной телегой, и проходившие мимо копьеносцы. Мол, из-за тебя всё.

«Да. Из-за меня».

Это она поняла так отчётливо, будто снизошло некое откровение.

Охота велась не на Ивана, а на неё. А мальчик – так, бесплатный довесок, бонус к призу.

Теперь из-за неё могут погибнуть эти незнакомые люди, которые точно совершенно ни при чём.

Стерва совесть вгрызлась в душу, терзая её в клочья.

Да, нельзя оставлять сына. Но точно так же нельзя трястись от страха под телегой. Шансов защитить Ваню при этом будет ноль. А если обозники победят, заслуженной наградой трусике будет всеобщее презрение и злоба за погибших родных, которые наверняка появятся. А уж о судьбе сына в таком окружении можно будет слагать грустные песни.

«Может, я и дура, но сейчас мой долг – защитить Ваню. Любой ценой».

Яна шумно выдохнула. Решение принято.

– Ваня, – со странным спокойствием сказала она, всовывая ему в руки лямки своего рюкзака, который сбросила со спины, когда лезла под телегу. – Сынок, не потеряй его. Если что, там... Внизу моя сумка, чёрная с белой полосой. Этого тебе на всю жизнь хватит.

– Ма, ты что? – Ванюша, умница, понял всё с полуслова.

– Сынок, я должна. Так надо.

И с неожиданно пришедшим облегчением выскользнула из-под дощатого днища.

Копий больше, чем мужчин, да? Значит, и на её долю копьё хватит. Плевать, что не умеет им пользоваться. Разок-другой ткнуть вражину успеет, а больше может и не потребоваться. Или супостата оттеснят соседи по строю, или её прибьют уже наконец, чтоб не мучилась.

Только сейчас, взявшись за копьё, Яна присмотрелась к мужичку, раздававшему инвентарь. Ростом ей по подбородок, жилистый азиат, волосы собраны в узел на макушке. Чуть не по уши замотан в малопонятные тряпки. Мужичок сосредоточенно совал копьё в подставленные руки, не приглядываясь к лицам. А вот тут как раз пригляделся. Сперва оторопел, а потом с сердитым окриком вырвал древко из рук обнаглевшей бабы...

То есть попытался вырвать.

Из тех крох, что были известны Яне о Китае, она знала, что в древности... а в общем, и до двадцатого века женщина там человеком не считалась. Она с рождения и до смерти была имуществом отца, брата, мужа, свёкра, сына. Ей можно было изувечить ноги ради хорошей приметы для будущего супруга. Её можно было убить, продать, подарить. А вот чего было нельзя, так это допускать её к оружию. Плохая примета вроде, или что-то подобное. Потому Яна ждала и дождалась именно такой реакции. И, перехватив древко обеими руками, качнулась вперёд вслед за движением мужичка-завхоза и придала оскепищу некое ускорение. Зампотылу точно ничего подобного не ждал. Когда в лоб врезался его же собственный кулак, мужичок, пришедший в некоторое изумление от происходящего, разжал пальцы и сел на жилистую пятую точку. И тут же грянул дружный смех.

Этого уже и Яна не ожидала, но фамильный артистизм не подвёл: она изобразила ледяную усмешку и молча встала в строй. Первый плюс в карму заработала. Главное, чтобы не последний. Теперь, не понимая языка, она могла только копировать действия соседей по строю. И крепко надеялась, что местный сержант, или какие тут звания в ходу, это хоть как-то учтёт.

«Господи, спаси и помилуй нас, грешных... Хотя какие у деток могут быть грехи? Спаси их, Господи, а со мной поступи по справедливости...»

Все, кто способен был натянуть тетиву лука или арбалета, или удержать тяжёлый щит, стояли в первой линии по обе стороны обоза. Насколько Яна могла видеть, доспешных воинов тут наблюдалось не больше трёх десятков. Все прочие смахивали на народное ополчение, да, видимо, по сути им и были. Крепкие широкоплечие мужики, явно мастеровые. А вот копьё вручали подросткам и тощим мужичонкам совершенно крестьянского вида. У тех была самая простая задача: сидеть за спинами прочих и в нужный момент высовывать копьё в щели между поднятыми круглыми щитами. Это было понятно даже без перевода. Но степняки не нападали. Даже не старались окружить обоз движущимся кольцом и жалить стрелами во все неприкрытые места.

Обозники, пользуясь этим обстоятельством, деловито выпрягли волов из первой, ничем не прикрытой повозки. Что бы там ни было, а тягловый скот – ценность. Ничуть не меньшая, чем деньги и немногочисленные фамильные побрякушки в кошелях, в которые сейчас мёртвой хваткой вцепились сидящие под телегами матери семейств.

Юнец, стоявший справа от Яны и поначалу испуганно косившийся на неё, быстро перестал бояться. Махнул рукой в сторону степняков и пояснил:

– Кидань.

Это слово не говорило Яне ровным счётом ничего. Паренёк это понял по её недоумённому взгляду, и снова повторил:

– Кидань, – взмах руки в сторону кочевников, а затем тычок себе в грудь и произнесенное не без гордости: – Хань!

Вот теперь всё ясно.

Хань.

Китайцы.

Но парень начал представлять народы явно не без умысла, и следовало ответить любезностью на любезность. Вон взгляд какой вопросительный. Интересно ему, кого же занесло в эти края... О, и его сосед тоже воззрился с любопытством, такой же сопляк, хорошо если пятнадцать стукнуло. А в самом деле, как представиться? Отец наполовину русский, наполовину азовский грек, мать эстонка, рассказывавшая, что по их предкам-крестьянам в своё время здорово протоптались шведы и остзейские немцы. Дима покойный был родом с Поволжья, мать его из марийцев... Так кто же они с Ваней?

– Русские мы, – негромко сказала она.

– Луса? – переспросил юнец. Судя по всему, ответ его удивил. Значит, эти китайцы ещё не сталкивались с русскими. Пожалуй, даже славян не лицеизрели, не говоря уже о личностях с ярко выраженной финской внешностью. Яна начала было припоминать обрывочные сведения о некитайских народах в древнем Китае, но времени на прикладную этнографию ей не оставили.

Предводитель кочевников, названных очень смутно знакомым словом «кидань», сделал своим какой-то знак и степенно направил коня к обозу. Этот тип выглядел побогаче соплеменников: и шапка лучше, и тулуп хорошей выделки, и сапоги расшитые, а уж об оружии и говорить нечего – рукоять сабли... нет, не сабли – меча сверкала золотом. И лошадка у него была повыше, красивой золотистой масти, и сбруя украшена бляшками ярко блестящего металла. Кто он там, хан? Ханский сын, брат, сват? В любом случае именно от него зависит, как себя поведут его подданные. Нападут, или дело ограничится переговорами и взаимным запугиванием.

Обзор из шеренги копейщиков был отвратительный: впереди стояли щитonosцы. Так что, когда киданьский вожак заговорил, в щель между щитами Яна могла видеть только круп его лошади. Впрочем, чтобы понять смысл происходящего, не нужно было знать китайский язык: кочевник выдвигал свои условия. Следуя элементарной логике, обозники, выслушав его, должны были либо принять эти условия, либо выдвинуть встречные. И она готова была поставить всё содержимое своего рюкзака на то, что случится как раз второе. Китайцы могли бы склониться перед неодолимой силой, а сотня степняков таковой силой им явно не казалась.

Так оно и случилось. Вперёд строя вышел старший офицер и что-то прокричал в ответ. На что степняк весело рассмеялся. Подъехал чуть ближе, что-то сказал и... ткнул плетью прямо в её сторону.

На миг Яне показалось, будто все вокруг смотрят только на неё. Она ошибалась. Это китайский офицер сверлил её взглядом, далёким от восхищения. Крикнул ей что-то. Потом догадался о языковом барьере и жестом приказал подойти. Что ж, если впряглась службу тащить, изволь слушаться господ офицеров. Подскочила и – как подтолкнул кто-то в спину – согнулась в быстром, но почтительном поклоне. Командир будто чуточку смягчился, наблюдая

её почтение. С какой-то странной тщательностью осмотрел её одежду, заглянул в лицо и вроде даже принюхался. Затем жестом указал Яне встать в шеренгу с краю и, не дождавшись повторного поклона, обернулся к кочевнику и прокричал довольно длинную фразу... Нет, насмешка в его голосе Яне вовсе не почудилась: киданьского вожака аж перекосило. Видимо, китайский отказ прозвучал для него крайне оскорбительно. Он что-то гневно пролаял в ответ и поднял руку.

Щитonosцы и стрелки изготовились, но кидани и сейчас не спешили нападать. Просто предводитель отъехал к воинству, а на его место выдвинулся другой всадник. Этот тоже никуда не торопил свою гнедую, ехал шагом. Но при виде этого человека почему-то все смолкли и как будто даже перестали дышать.

Странность разрешилась, едва Яна смогла разглядеть его из-за широкой спины могучего щитonosца. Честно сказать, любой бы на её месте сейчас замер, не веря собственным глазам. Ибо всадник был, чёрт возьми, коротко стриженным азиатом в чёрных джинсах и чёрной же рубашке, застёгнутой на все пуговицы.

И смотрел прямо на неё. С тем самым неумолимым превосходством, как тот таксист, чтоб ему и на том свете икалось.

«Вот же ж зараза, а?.. Люди добрые, что вообще тут происходит?!!»

Ступор и тихая паника длились ровно мгновение – до той поры, пока «чёрный» не заговорил.

По-русски. Очень чисто. Опять же, как тот таксист.

– Далеко же тебя занесло, – голос громкий, ровный, даже приятный. Очень хорошо за такими мягкими нотками прятать гнев. – Верни ключ.

Звуки родного языка словно разбили невидимые цепи.

– Какой ещё ключ? – звонко выкрикнула она.

– Ты ведь не хочешь, чтобы мои пёсики перерезали весь обоз, верно? – продолжал «чёрный», пустив лошадь медленным шагом вперёд. – Вместе с женщинами и детьми. Прямо при тебе. Не хочешь, по глазам вижу. Отдай ключ, и мы уйдём. Потом живи, как пожелаешь, о тебе никто и не вспомнит.

Ну да. Разумеется. Вот так возьмёт и отпустит восвояси толпу свидетелей, видевших его загадочную персону. Яна не страдала лопухой доверчивостью, иначе не удержала бы фирму на плаву. А тут мутный хрен с бугра пришёл и обещает сто бочек арестантов за какой-то ключ. Какой ещё ключ?..

«Нет, ну какая же зараза... Вот влипла...»

Досада, злость... и гнев. На себя, на этого балабола в чёрном, на злодейку судьбу, на чёртов кулон с иероглифами, оказавшийся ключом... от дверцы за очагом на холсте, что ли?! Яна вскипела. Как всегда, очень быстро и очень сильно.

– Я не верю тебе! – сейчас ей уже не приходилось кричать, достаточно было просто повысить голос. – Ты никого не отпустишь живыми, даже если я отдам то, что ты просишь.

– Я не прошу, а приказываю.

– Тем более!

– Отдай ключ, сука!

– Подойди и возьми, трус!

«Чёрный» легонько взмахнул рукой...

В следующий миг передний щитonosец вдруг вскинул щит. Длинное оперённое древко словно материализовалось в этом щите на уровне лица Яны. Если бы не преграда, она так и свалилась бы со стрелой в глазнице. И – как оказалось, только этого ей и не хватало, чтобы окончательно взбеситься. Потому окрик командира донёсся до неё словно сквозь толстый слой

ваты, да и не поняла бы она ничего. А вот то, что щитоносцы дружно присели, открывая арбалетчиков, а те в свою очередь дружно спустили крюки, поняла очень хорошо.

Китайский офицер расценил одиночный выстрел как нападение на вверенный ему обоз – и отреагировал строго по уставу.

«Чёрный», спасаясь от арбалетных болтов, поднял коня на дыбы.

Бешенство клокотало в ней, словно кипяток, и искало выход. Яна огляделась в поисках... ну, хотя бы камня – запустить в надменную рожу «чёрного». И, как на грех, аккуратно на возу, стоявшем за спинами копейщиков, углядела длинные деревянные рукояти. Что находилось на другом конце древка, её уже не интересовало. Главное, это нечто было достаточно тяжёлым, чтобы причинить хамоватому типу парочку сложных переломов, и в то же время достаточно лёгким, чтобы долететь до цели, сохранив как можно больше кинетической энергии. К тому же рукоять удивительно удобно легла в руку, словно этот инструмент был ей давно знаком.

Два быстрых шага вперёд, бросок, отскок назад за линию щитоносцев, перебросить копьё из левой руки в правую...

А дальше время снова – второй раз за сутки – потянулось, словно вязкий мёд.

Медленно и, пожалуй, даже красиво, на встречу с головой незнакомца в чёрном летел... кузнечный молот.

Медленно – только для неё. Но не для окружающих. Иначе «чёрный» наверняка смог бы увернуться. Ведь как-то же избежал он попаданий из арбалетов, и даже лошадку его не зацепило. Та, снова встав на четыре ноги, испуганно всхрапнула и затанцевала. «Чёрный» потерял драгоценную секунду.

Этой секунды ему и не хватило.

Золотисто-смуглое лицо превратилось в жуткую кровавую маску, в которую сумасшедший кукольник зачем-то вогнал молот. Ещё мгновение – и «чёрный» медленно вывалился из седла, крайне неудачно приложившись головой о землю. Нога запуталась в стремени, и испуганная лошадь потащила мертвеца – да, уже наверняка мертвеца, у живых голова на шее так не болтается – куда-то в сторону.

– Третий!!! За сутки – третий, от её руки!

– Наблюдатель мёртв. Мы ослепли, господин.

– Идиот! Ты понимаешь, что происходит?!

– Нет, господин.

– И я не понимаю! Я – не понимаю!

– Без ключа мы сможем послать туда другого наблюдателя только через семь или восемь лет, господин.

– Знаю! Знаю, черти тебя дери всей адской пехотой!..

– Я немедленно приступаю к работе, господин.

– Приступай... – господин бессильно рухнул в дорогое кожаное кресло. – Семь или восемь лет... Хотя бы они у нас были.

– Я сделаю всё возможное, господин, чтобы ускорить процесс.

– Ладно. Сделанного всё равно не вернёшь. Но ключ...

В самом деле, кто бы мог подумать, что ключ – не просто артефакт, а штучка с собственной волей? Нет, ну как такая досада могла случиться именно с ними? Да ещё в самый ответственный момент, когда мощь ключа могла бы...

– Работай, – господин уже взял себя в руки. – Я со своей стороны постараюсь замедлить процессы здесь, чтобы ты успел управиться там.

Поклон – и вот помощника уже нет в кабинете. Что ни говори, Азия – это прежде всего дисциплина. В этом она куда лучше обречённой Европы.

«Лжёт».

Разумеется, не приобщившиеся к культуре кидани не всегда лгут, даже презируемым ими пахарям. Ложь недостойна мужчины, особенно если мужчина знатного рода. Но этот – лжёт.

Мастер Ли Юншань понял это гораздо раньше, чем десятник осмотрел чужестранку. Строго говоря, стоя со щитом, он даже не увидел её лица. Просто учуял запах.

Запах цветов жасмина.

И этот вшивый кочевник будет уверять, что женщина – его сбежавшая наложница? Да проводи она в юрте хотя бы день, воняла бы прогорклым салом и его немытой тушей, как все степняцкие бабы.

– Ложь осквернила твои уста, хан, – тем временем сказал десятник Вэй. – Эта женщина такая же твоя наложница, как я – внук императрицы. Значит, и в другом ты тоже солгал: ты не собираешься пропускать нас к форту.

– Не пытайся удержать в руках то, что тебе не принадлежит, – зашипел кидань. – Думаешь, я поеду к твоему сотнику и принесу жалобу? Управа на тебя и поближе найдётся!

Ничего хорошего это не означало. Мастер Ли едва сдержал тяжёлый вздох: ну, почему дикие кидани считают, что все вопросы можно разрешить исключительно силой? Есть же кидани культурные, живущие, как нормальные люди. Почему эти отказались стать людьми? Так им легче жить, что ли?

Чёрный всадник стал неожиданностью для всех. Ещё большее удивление вызвало то, что он говорил с чужестранкой на одном языке. Мастер Ли не понял ничего, кроме того, что всадник в ярости. Он что-то требовал от женщины, наверняка угрожал, а под конец сделал знак кому-то из степняков... Пожалуй, только мастер-кузнец и ждал того, что произошло. И сумел вовремя подставить щит.

Что бы там ни было, а женщина, пахнувшая жасмином, не должна умереть.

А вот того, что случилось дальше, когда они встали на одно колено, опуская щиты для залпа арбалетчиков, мастер не предвидел. Не мог предвидеть. Потому что это выходило за все мыслимые границы.

Женщина, пахнувшая жасмином, схватила с воза средний молот – его собственный молот! – и запустила во всадника. В своего, как мастер уже не сомневался, смертельного врага. И попала.

«Воин хватается за меч. Крестьянин за грабли. А кузнец, конечно же, за молот... Она из семьи кузнеца?»

Это были последние связные мысли до того, как киданьский князёк, пожелтевший от ужаса – господина не уберёт! – приказал своим воинам нападать, и по сомкнутым щитам часто застучали стрелы.

Степняки быстро опустошили колчаны и ринулись в атаку. Два десятка арбалетов и десяток луков не сдержали бы их никогда, если бы не щиты и копья. Да ещё стрельба залпами. Это страшно, когда внезапная смерть вдруг вынимает из сёдел несколько воинов за раз. Странно, что сами кочевники ни разу не применили эту же тактику. Слабоваты они насчёт дисциплины. Вот культурные их соплеменники, те отличные воины и прекрасно слушаются офицеров. Офицеров хуанди, разумеется, не своих. А эти... Против этих достаточно выстоять в обороне, время от времени давая залп. Дикарям не нравится, когда их просто и без затей расстреливают. А уж если убить хана, то вовсе развернутся и ускачут к стойбищу, прятаться под юбки своих вонючих баб.

Сзади, за телегой, раздались крики, лязг металла и треск ломающихся копий. Мастер Ли позволил себе на миг обернуться, и... На месте его удержала лишь дисциплина: степняки нашли слабое место и проломили оборону.

Дальнейшее слилось для мастера кузнеца в короткий кошмар.

Приказ десятника Вэя. Десяток копейщиков, перелезающих через гружёную телегу... Отец и сын Лю, братья Чжан, младшие сыновья других мастеров... и женщина, пахнувшая жасмином.

Отчаянный визг малышки Сяолан едва не свёл его с ума. Но помрачение длилось ровно один удар сердца. Крик дочери потонул в гневном рёве сразу многих глоток: щитonosцы второй стороны сумели сомкнуть ряды, а копейщики, направленные туда Вэем на подмогу, добились прорвавшихся на свою голову степняков. И, если его не подводил слух, самым громким и самым разъярённым был голос чужестранки.

Кажется, там под телегой её сын? Хотя мальчишка вроде не кричал. Или он не расслышал?

Новый залп – и удачливая стрела отыскала-таки ханскую глазницу. Степняки горестно завывали. Пока их направляла воля вождя, они отчаянно атаковали, и даже чуть было не добились успеха. Теперь отдавать приказы некому, и кочевое войско моментально превратилось в стадо. А стаду не хочется умирать. Степняки перекинули тело хана через седло и, огрызаясь на скаку последними сохранёнными стрелами, умчались в ложбинку между холмами.

В который раз дисциплина одержала верх над дикостью. А теперь она, дисциплина то есть, должна подсчитать потери, не оглядываясь на количество убитых степняков. Само собой, их погибло больше, но воины и мастера хуанди, отправившиеся обживать новые земли, каждый вдесятеро дороже любого блохастого степняка... Ну, а сердце отца рвалось узнать, что случилось с его детьми. Трупы киданей у самой телеги свидетельствовали, что там кипел бой.

– Отец! Отец! – шустрая Сяолан поймала его за рукав и запищала: – Кидань схватил меня за ногу и хотел вытащить! А мальчик ударил киданя ножом! А кидань ударил его щитом! А госпожа сверху прыгнула и ударила киданя копьём! А теперь мальчика нужно к лекарю, у него кровь течёт! А вот младший братишка совсем не испугался, хоть и маленький!

– Тихо! – мастер цыкнул на дочку. – Не таракти. Где госпожа, что ударила киданя копьём?

– Пошла бить других киданей. Она страшно рассердилась!

– Не болтай, а помоги Гу Инь, – он подтолкнул девчонку к старой няньке, перевязывавшей рану беловолосому мальчику. Надо же, такой шуплый, а храбрец. Даже улыбается. Рана несерьёзная, так, кожа рассечена, но крови много.

Почему мастер сразу принялся искать взглядом женщину, лица которой толком ещё не разглядел? Неведомо. Но почему-то так не хотелось, чтобы запах жасмина смешался с запахом пропитанной кровью земли.

И она появилась. Непривычно белая, высокая, с разорванными рукавами, с потёками крови на лице и... остывающая от гнева. Она не видела сейчас никого, кроме сына. Вообще странно, что мать помчалась в бой, зная, что мальчик ранен. Она поступила как воин: не бросилась, словно курица, закрывать птенца крылом, а вместе с другими воинами отдала опасность от ребёнка. Значит, была уверена, что ему помогут и без её вкioxтания. Женщины так не делают. Ханские женщины. Женщины соседних народов – тоже. А эта откуда?

Мать и сын щебетали на незнакомом языке, но их обоих можно было понять без толмача. Мать переживала за сына, сын старался уверить мать, что всё в порядке, а рана – сущая царапина.

Люди везде одинаковы. Если они люди, а не дикари.

Несколько ударов сердца мастер Ли старался понять, что именно вселило в его душу смятение. А когда понял, осознал, что мир для него уже не будет прежним.

Он сделает всё возможное и невозможное, чтобы от этой женщины, пахнувшей жасмином, никогда не воняло ни грязной степняцкой юртой, ни кровью. Не позволит. Защитит от любой беды.

Это решено самим Небом, а, стало быть, никому из людей не изменить предназначения.

– Ма, да всё в порядке, – уверял Ваня. – Он же девочку схватил, а девочек надо защищать, вы с папой меня сами этому учили. Ну, двинул он меня щитом. Так сама же говоришь, что голова – кость, ей ничего не сделается.

– Ну да. Были бы мозги – было бы сотрясение, – фыркнула Яна. – Юморист нашёлся. А если бы он тебя краем щита приложил? Полголовы долой?

– Так не приложил же... Ой!

– Терпи, – припечатала мать, придерживая голову мелкого, чтобы старухе было удобнее его перевязывать. – Вояка... Как же ты на деда похож...

Бабка, закончив перевязку, взяла клочок полотна, смочила водой и сунулась к Яне, что-то лопоча по-китайски. Та сперва одарила старую женщину недоумённым взглядом и только потом поняла, что с лицом какой-то непорядок. Оставалось только подставить его под тонкие старушечьи пальцы.

– Мастер Ли! Не твой ли это молот?

– Мой, господин десятник.

Они держались друг с другом почтительно. Кузнецы – особое братство, они ещё не воины, но уже не совсем простолюдины. А уж кузнецы-оружейники и подавно. Потому десятник Вэй, такой надменный с крестьянами, подчёркнуто уважителен с мастером второго разряда. Молот в его руках, кстати, казался совершенно чужеродной деталью.

– Госпожа удачно им попала, – сказал мастер, взяв свой инструмент и разглядывая уже подсохшие пятна крови на железе.

– Эта госпожа не будет казнена только потому, что я обязан теперь отвезти её в форт и сдать сотнику, – зло сплюнул Вэй. – Пусть у него голова болит, куда её девать вместе с мальчишкой. С копьём она, видите ли, в строй встала... Не гнать же я её должен был, на смех кида-ням? А ещё этот, которого она твоим молотом приласкала... Кто он такой? Я велел поймать его лошадь и отыскать тело.

– Он пришёл с нашими врагами, господин старший десятник. Он приказал им стрелять в нас. Следовательно, он враг.

– А если иноземный посол? Знаешь, сколько таких в Чанъань шастает? И что будет, если узнают, что эта чёртова госпожа убила посланника? Казнят не только её, но и всех нас! Тьфу...

Десятник, когда злился, становился болтлив и суетлив, как женщина. Это раздражало.

– Тоже мне, сокровище нашлось, – продолжал брюзжать воин, обходя телеги вместе с мастером и проверяя на предмет, хорошо ли ухаживают за ранеными и не пропало ли чего из имущества. – Хорошо, если всё обойдётся. Но если она подвела нас под казнь, клянусь, испрошу дозволения лично снять ей голову, прежде, чем снимут мою...

О, гляди! Вот бесстыжая! Стянула верхнюю рубашку, а мои обормоты пялятся на её сиськи!

Тут мастер возмутился за компанию с десятником. Женщина действительно сидела в нижней рубашке с очень короткими рукавами и смазывала своими снадобьями страшно-выглядевшие ссадины и кровоподтёки на руках. Наверняка в бою ей и по ногам перепало, и если она вздумает прилюдно снимать штаны, чтобы подлечиться... А что он ей сделает? Не его жена – не ему и пороть. Во всяком случае, пока. До приезда в форт.

Небо не попустило: штаны женщина снимать не стала, хоть и чувствовалось, что ходит она с трудом. Даже верхнюю рубашку, несмотря на драные рукава, натянула. Не беда, зашьёт. А вот то, что она раздражила солдат, это плохо. Уже сговариваются по свободному времени к ней подкатить, стервецы. Не для этих ртов слива, пусть не разевают.

Гнев на сопляков в доспехах породил и другую, более приятную мысль: молокососы знали, на что пялиться. Если воля Неба будет исполнена, то он расстанется с горечью шестилетнего вдовства... Интересно, на кого будут похожи их дети?

Мастер ещё много о чём подумал, но одна-единственная мысль его голову так и не посетила. А именно – что сама женщина думает по поводу своего будущего. Этой мысли древняя китайская культура не предусматривала.

Адреналин схлынул, и тело тут же отомстило за все сегодняшние приключения надсадной болью.

Только сейчас Яне стало понятно, почему даже на потешных реконструкторских бугуртах участники не только надевают доспехи и поддоспешники, но и тщательно проверяют каждую деталь. Молодецкая удаль – это хорошо только издали. А когда ломается шеренга и начинается всеобщая свалка формата «стенка на стенку», девяносто процентов синяков получаешь от своих. Если тебя не защищает доспех, разумеется.

Её защищали только джинсы и джинсовая куртка.

На руки было страшно смотреть, складывалось впечатление, будто по ним методично лупили нестругаными палками. Рукава куртки в клочья. Наверное, если бы не они, в клочья была бы собственная шкура, не иначе. Что происходило с ногами, можно было только догадываться, штаны при всех не снимешь, а помещений тут не наблюдается. Зверски болело левое колено, причём Яна совершенно не помнила, где, когда и чем по нему огребла. И не только по нему: в ушах стоял подозрительный звон. Видно, и по головшке дурной тоже прилетело.

«Амазонка хренова... – мысленно ругалась она, с видимым усилием натягивая на себя изорванную куртку – за неимением другой. – Скажи спасибо, что обошлось без серьёзных ран, что у тебя, что у Ванечки. Дуракам везёт...»

Окончательно настроение было испорчено... скажем так – заинтересованными взглядами солдат. Это в бою они были суровыми воинами, а после боя оказались сопливыми юнцами, распустившими слюни при виде «ничейной» женщины. Ох, как ей были знакомы такие взгляды. Пока муж был жив, желающих нарваться на неприятность не находилось. А после его смерти как сговорились. Приходилось искать тысячу обходных дорожек, чтобы миновать липкие лапки одних, запугивать других, презрительно игнорировать третьих. За пять лет, посвящённых сыну и работе, она даже мысли не допустила о какой-то там личной жизни, и окружающих приучила к тому, что не стоит тянуть руки, куда не положено. Приучит и этих, если бог не попустит. Солдатикам хватит пока надменного взгляда королевы в изгнании. Пускай считают её чужеземной аристократкой, им же лучше. И хлопот меньше.

Спасибо бабуле, промыла ей рану на голове и вынула из-под кожи острую тонкую щепку. Теперь хоть на человека похожа, а не на свежего зомби. Копьё кое-как почистила. Можно идти... точнее, хромать его сдавать, не распугивая народ окровавленной физиономией. И без того женщины смотрят на неё как на привидение отца Гамлета. А их мужья... Яна не поняла, почему парнишки, стоявшие с ней в одной шеренге, вдруг начали с испуганными глазами убираться с её дороги и почтительно кланяться. Интересно, что она такого страшного содеяла? И завхоз туда же: соскочил с телеги, склонился, сложив ладони одна поверх другой, что-то тарыхтит. И взгляд такой же испуганный, как у мальчишек. Копьё от неё принял с таким почтительным видом, будто ему вручили великую реликвию.

«Что случилось? – недоумевала Яна. – Не помню ведь ничего – с той секунды, как офицер приказал, и мы полезли через телеги, и до конца боя...»

Так-таки ничего не помнишь? Совсем-совсем?

Каверзная память тут же подсунула ощущение опьянения боем. Крик ребёнка – нет, не Ванин, какой-то девочки. И наконецник копья, с глухим хрустом входящий в грудь степняка, поднявшего руку на детей. Парнишку – того самого, что пытался выяснить, как называется её народ – сбитого с ног. Киданя, замахнувшегося на него мечом. Отчаяние, когда под ноги подвернулась рука мертвеца, и радость от того, что удержалась, распластавшись чуть ли не в пятой фехтовальной позиции. Что выброшенная вперёд рука с копьём всё-таки достала

врага. Достала! С каким торжеством она заорала, и, подхватив чей-то щит, бросилась закрывать брешь в шеренге щитоносцев, оцетинившихся копьями и мечами. Каким счастьем было услышать от них такой же рёв, когда шеренга разом качнулась на шаг вперёд, оттесняя кочевников...

«Только этого мне не хватало... Я женщина и мать, а не солдат китайского императора! Мне сына растить надо!»

Доля истины в этом была. Но – только доля. Яна отчётливо осознала, что та злобная тварь, которая хладнокровно отравила, пусть и заслуженно, родного дядюшку, а сегодня убила ещё бог весть сколько людей – тоже она, тоже часть её существа. И от этого никуда не деться. Невозможно избавиться от части своей души и сохранить рассудок. Можно лишь держать эту часть на строгом ошейнике, не давая ей разгуляться. И – да – это на всю жизнь.

Неудивительно, что мальчишки перепугались. Если самой-то страшно стало, когда дошло наконец...

Похмелье – неприятная вещь. Похмелье после боя – жуткая. Когда понимаешь, что ты нелюдь, но поделаться с этим уже ничего не можешь.

Один взгляд на офицера – и Яна поняла, что самое страшное ещё впереди. Потому что этот – кто он там по званию – разглядывал только что принесенное солдатами тело в чёрной одежде.

Впервые Яна благословила языковой барьер. Иначе не миновать крайне неприятных распросов. Нет, распросов ей всё равно не миновать, но не раньше, чем она сможет связно рассказать о себе. А это случится наверняка не сегодня.

– Не лицо, а каша, – уж на что десятник Вэй был тёртым воякой, но даже его это зрелище не порадовало. Над головой незнакомца не только молот поработал, но и твёрдая земля, по которой тело здорово повозила перепуганная лошадь. – Его сейчас даже отец с матерью не узнают. А эту... госпожу не расспросишь, она по-нашему ни слова. Тьфу, напасть... Что я теперь сотнику скажу?.. Этого – на телегу, накрыть рогожей. Предъявим сотнику хотя бы труп. Одежка у него занятная. Мастеру Ли... Эй, мастер Ли! С чужестранки и её сына глаз не спускать!

– Слушаюсь, господин десятник, – донеслось со стороны телег. Причём почтения в голосе мастера было не больше, чем если бы он обращался к равному себе. Кузнецы...

Головной боли у десятника Вэя было бы предостаточно и без этой дамочки, нападение «диких» киданей – всегда происшествие. И неизбежное разбирательство, при котором может вскрыться ещё масса мелких упущений по службе. Императрица милостива, сейчас за всякую мелочь не казнят. А вот за крупный промах – запросто. Среди «культурных» киданей обязательно найдётся родственник убитого в этом бою князька, который может принести жалобу. И хорошо, если придёт к сотнику в форт, а не потащится к наместнику. Веры им, понятно, ни на обрезок ногтя, но с них станется нацарапать жалобу в письменном виде. Сотник или наместник в таком случае просто обязаны начать дознание. С чужеземки какой спрос, пока по-человечески не заговорит? Опрашивать будут его самого, двух младших десятников, солдат, кузнецов, даже немых крестьян. Разумеется, никто не солжёт под клятвой, и сотник наверняка не пойдёт на поводу у кочевников, но неприятностей всё равно не оберёшься.

Десятник Вэй даже под угрозой смертной казни ни за что и никому не признался бы, что до дрожи в коленях боялся стоять перед судом и отвечать на вопросы. Врага с его мечами и стрелами – не боялся, а тут... как зелёный новичок... Потому старался нести службу так, чтобы не оказаться ответчиком ни в каком разбирательстве.

И под этот ужас его подвела, конечно же, белая носатая идиотка. Кто же ещё?

Всыпать бы ей как следует, чтобы знала своё место, так нет. Если бы она не схватилась за оружие, он волен был бы сделать с ней что угодно. Но ведь сам своим молчанием признал её воином, а стало быть, решать её судьбу будет сотник Цзян Яовэнь. Как будто тому своих бед мало.

«Скорее бы обоз тронулся. Чем быстрее прибудем в форт, тем раньше отделаемся от этой напасти... Всё зло в мире от баб. Тьфу...»

Обоз тронулся только через час.

Ровно столько времени понадобилось, чтобы уложить убитых – к счастью, их оказалось всего четверо – на телегу, оказать первую помощь раненым и собрать оружие. Степняцкие луки лишними не будут. Заботу о телах киданей предоставили степным падальщикам. Яну, выросшую на совершенно других традициях, это покорило. В Великую Отечественную старались по возможности хоронить всех, и немцев тоже. Не дело человеку быть жратвой для степных лисиц. Но её мнения сейчас никто не спрашивал.

Странно. Обычно она узнавала людей в лицо или по голосу. А этого щитоносца она узнала по спине. Не очень высокий – с неё ростом, – но почти квадратный из-за широких плеч. Подобные плечи у мужиков случаются, если с детства махать молотом у наковальни. Отец был таким. Дед. Судя по старым фотографиям, прадед тоже. Надо полагать, и весь род по мужской линии. И пахло от этого мужчины, как полагается, огнём, железом и потом. Так же, как от отца, деда... и от неё, когда выходила из отцовской кузницы.

Как давно это было... Подумать страшно. Целых двенадцать лет. С тех пор, как вышла замуж и «выбросила дурь из головы». Кажется, именно этого отец ей так и не простил, пока позапрошлым летом не привезла к нему Ваню и они втроём не отправились в кузницу. Да что она понимала в свои восемнадцать? Понадобились трудные роды, смерть мужа и тяжёлая, нервомотная работа, чтобы выбить из её головы настоящую дурь.

А этот дядя здесь явно большая шишка. Вон как его слушаются. Не солдаты – те офицеры в рот смотрят – мастеровые. Кто он? Начальник цеха? Великий мастер с учениками? Не похоже, среди работяг она увидела парочку жилистых седых дедов. Не тянут те на учеников. Значит, директор фирмы, никак не меньше. Хромой, как древнегреческий Гефест. Прямо-таки классический кузнец, из тех, кто чёрта за хвост поймает, в мешок посадит, а потом заставит везти себя в Питерсбурх, за черевичками от самой царицы. Не зря же чуть не у всех народов, знавших железо, кузнецы считались особой кастой, едва ли не родственниками нечистой силе. На самом деле это была крепкая корпоративная солидарность, почти как у мафии, а суеверные люди принимали закрытость кузнецов и множество профессиональных секретов за родство с чертями. И охотнее развязывали кошельки, делая заказ: того, кто знается с нечистью, лучше не обманывать, себе дороже выйдет.

К слову, Яна обязана этому человеку жизнью. Ведь это он поймал щитом ту стрелу. Поблагодарить бы, но как по-китайски сказать «спасибо», она не знала. Подойти и почтительно поклониться? Уже теплее. Если заведует кузнечным цехом, значит, не дурак. А раз не дурак, поймёт, за что ему кланяются, без переводчика. Нужно дождаться, пока он обернётся в её сторону. Насколько она знала, на Востоке не любят, когда к ним навязываются, даже с благодарностями.

Кузнец обернулся к ней лишь тогда, когда его подчинённые управились с поклажей, рассадили на телеги своих домочадцев и настегнули волов. Его собственной телегой правил невзрачный мужичок неопределённого возраста, явно наёмный возница или вовсе слуга, так что он мог себе позволить сидеть господином на телеге. Не позволил, пошёл рядом, немного припадая на правую ногу, благо волы – не лошади, скоростью не отличаются. И только тогда соизволил заметить, что помимо детей и старухи на телеге ещё кто-то сидит. Точнее, почти лежит, вытянув ушибленную ногу.

Взгляды встретились, и... Яна считала, что неплохо разбирается в людях. В соотечественниках так уж точно. И если бы этот человек был её, скажем, соседом, то у него на лице в этот момент прочиталась бы целая гамма чувств, а все мысли были бы написаны на лбу крупными буквами. Потрясение. Смятение. И одновременно – желание убить или умереть. Ради неё.

Сказать честно, в первый миг Яна испугалась. Не его испугалась, а себя. Потому что в одно коротенькое мгновение испытала ровно ту же гамму чувств.

Потрясение. Смятение. И одновременно – желание убить или умереть. Ради него.

Мир вздрогнул, перевернулся... а затем снова встал на место. Единственно возможным порядком.

«Господь Вседержитель... ЗА ЧТО?!!»

«О, Небо, за что?!!»

Мужчину всегда тянет к женщине, таков непреложный закон мироздания. Род нужно продолжать, и воля Неба должна исполняться всеми. Не грех, если ему понравилась женщина. Не грех ввести её в дом. Но чтобы было так мучительно смотреть этой женщине в глаза – голубые, как само Небо – и в то же время невозможно отвести взгляд?

Мастер Ли Юншань в детстве и юности наслушался множество легенд, среди них встречались легенды о великой любви. Но чтобы в жизни... чтобы с ним самим...

Неужели воля Неба именно такова?

ЗА ЧТО?!!

Потрясений на сегодня выпало столько, что впору застрелиться. Одна беда – не из чего. Ну, и сына одного оставлять не стоит. Десять лет, мал ещё, чтобы самостоятельно жизнь строить.

Яна всеми силами старалась не думать ни о чём. Разгрузить мозги, чтобы не вскипели, как говорил отец. Получалось плохо.

Тогда она попробовала просто отстраниться, глядя в безоблачное небо.

«Говорят, хорошо там, где нас нет... Неправда. Там тоже бывает плохо, только мы об этом не знаем, и стремимся туда. Чтобы достичь мечты и в который раз убедиться, что она с изъясном. Что на самом деле хорошо не там, где нас ещё нет, а там, где нас уже нет, и, возможно, не будет...»

Она сейчас заплакала бы, если бы рядом со скрипучей телегой не шёл человек, на мнение которого нельзя было наплевать. Что он подумает, глядя на зарёванную бабу? Правильно: зарёванная баба. А ей совсем не хотелось, чтобы он о ней так подумал. И вместо слёз родилась робкая улыбка.

Первая – за очень долгое время.

«Там, где нас нет» – это мистика. Это волшебное место исчезает в миг нашего приезда туда.

И начинается реальная жизнь.

– Господин.

– Слушаю.

– Мы отмечаем усиление эманаций ключа, господин. Мы не можем сказать, какова их природа: в записях за всю историю общества нет ничего подобного.

– Блокировать их можно?

– Нет, господин. Это мог бы сделать ключник или наблюдатель, но их там нет.

– Продолжайте работу. Докладывайте обо всех странностях.

– Слушаюсь, господин.

Глава 3

Край империи

Китай не доверял Степи. Не любил её, а временами боялся настолько, что отгораживался от неё Стеной. Вернее – стенами. Шли века, менялись императоры, царства, течения в литературе и философии, а Стена строилась и достраивалась. Причём свою прямую задачу – оборону Китая от кочевников – она выполняла редко, слабо и неохотно. Степняки отнюдь не идиоты – лезть с лошадьми на штурм длиннющей крепостной стены с мощными башнями. Там, где бес- сильно железо, сработает золото. Особенно в те эпохи, когда императорскому двору не было особого дела до империи. Китайских офицеров банально подкупали. Или шантажировали. Или с ними рождались, а уж жёны-степнячки настраивали мужей как положено. Недаром впоследствии китайцам запретили жениться на монголках и маньчжурках.

Стена по сути ограждала не Китай от Степи, а Степь от Китая.

Так длилось без малого тысячу лет, пока империя Тан не перешагнула через Стену.

Непаханая целина требовала сотен тысяч рабочих рук и десятков тысяч воинов. Где их взять, кроме как в перенаселённом коренном Китае?

Младшие сыновья крестьян, оставшиеся после смерти отцов ни с чем, ибо выделяться в новые хозяйства при жизни родителя и дробить земельные наделы после его смерти было запрещено законом. Младшие сыновья потомственных воинов, не имевшие на родине перспективы выше десятника стражи в провинциальном городишке. Младшие сыновья ремесленников, которым из наследства доставались старые сломанные инструменты. Младшие сыновья чиновников, не желающие ждать, пока освободится должность в большом городе. Земля младших сыновей. Непокойный фронт, где одни кидани союзники, а другие в любой момент могут пожаловать с неожиданным визитом. Где кочевники признают над собой власть не китайских императоров, а хаганов тоба, работавших императорами по совместительству. Где цена твоей жизни равна стоимости твоего оружия и коня. Но здесь фактически не было предела для карьерного роста. На фронте меч, мозги и усердный труд заменяли целую свору влиятельных родственников. Только не ленись их применять.

Шёл первый год эпохи Тяньцзэваньсуй, правления Небесной императрицы У, именуемой также Цзэтянь.

Китай ещё не знал, что это пик его могущества. А прочий мир не догадывался, что Поднебесная Империя в данный момент – самое развитое и цивилизованное государство планеты. Сложновато было в мире с грамотностью и информационными связями, потому что указанный год соответствовал 695 году от Рождества Христова.

В Западной Европе – Тёмные Века и практически свежие ещё воспоминания о закате Римской империи. В Византии – иконоборчество в полный рост, как будто других проблем в стране не существовало. В Восточной Европе – зародыш будущей Руси, представлявший собой конгломерат славянских, не совсем славянских и совсем не славянских племён, то мирившихся, то резавших друг друга. В Азии и Северной Африке – экспансия ислама. В Индии – куча царств, не способных договориться между собой. Лишь майя далеко за океаном переживали свой расцвет, но контактов с ними по известной причине не было, да и в техническом плане они на столетия отставали от китайцев. Всё это – когда империя Тан стояла в шаге от создания огнестрельного оружия, строила города по генеральному плану и покрывала подвластные земли невиданной по масштабам сетью дамб и ирригационных каналов.

Если бы гипотетические пришельцы посетили тогда Землю, лицом планеты для них был бы китайский чиновник-инженер.

– Интересная эпоха. Интересная и... опасная. Для нас.

– Простите, господин, не могу уловить...

– Империя Тан.

– Это была великая империя, господин. Но она пала, и Китай смог превзойти её достижения лишь в двадцатом веке.

– Не в том дело. Ты представляешь себе Танскую империю, которая смогла остановить наступление ислама, и даже обратить его вспять? Которая подмяла бы под себя Индию, Иран, азиатские страны вплоть до границ с Византией, да и её тоже потеснить? Если бы это произошло, сейчас мы бы ходили воскуривать ароматные палочки в великих пагодах Берлина, Парижа или Лондона.

«Это верно. И тогда ты бы величал меня господином, а не я тебя...»

Вслух это, однако, не прозвучало.

– Вы полагаете, она способна подарить танским императорам идею порохового оружия до того, как его, собственно, изобрели китайцы?

– Не только полагаю, но и считаю вполне вероятным. Более того, мы не знаем, какие конкретно знания она принесла туда в своей голове. Будь она классической тупой курицей, каких сотни миллионов, я бы не волновался. Но, со слов её покойного дяди, она как раз классическая деловая леди. Жёсткая, умная и безжалостная к тем, кого считает врагами. Притом с техническим складом ума. Потому я тебя так тороплю.

– Семь или восемь лет, господин.

– Раньше никак?

– Если все усилия направим только на решение этой задачи, то срок сократится лет до шести.

– Направляй. Я дам тебе шесть лет. От силы семь. Больше – вряд ли.

Приезд в форт Бейши Яна банально проспала.

Она даже не заметила, как вывалилась в сон без сновидений. А ощущение при пробудке было такое, словно от её жизни кто-то острыми ножницами откроил несколько часов. Вот только что, подложив рюкзак под голову, созерцала бледно-голубое степное небо без единого облачка, и – ррраз! – темнота, меркнущая алая полоса вдоль горизонта, свет тусклых фонарей, галдёж вокруг. И зверская боль во всём теле, буквально в каждой косточке, будто её с самого утра колотили палками. А тут ещё Ваня теревит за плечо... О-о-о, как больно-то...

– Мам, вставай, – то ли это игра света и тени, то ли у мелкого и правда синяки под обоими глазами проявились – последствие удара по голове. – Приехали.

«Да. И сейчас начнётся самое страшное – китайская бюрократия, – подумала Яна, поднимаясь через „не могу“. – Она и в наше-то время не подарок, а при императорах, наверное, и подавно – на каждый чих должна быть справка, иначе голова с плеч».

На подобные мысли её навёл вид десятника, с самым почтительным видом докладывавшего обстановку... кому? Наверное, начальству. Судя по доспехам, шлему и мечу, начальство было военное. Доклад выслушивало с довольно мрачным видом. Ещё мрачнее оно сделалось после осмотра тела незнакомца-«чёрного». И лишь затем соизволило обратить внимание на сползшую с телеги Яну.

Что ж, раз это здешний босс, значит, не зазорно ему поклониться. Так здесь принято, верно?

Начальство поклон восприняло как должное, но сменило ли гнев на милость – неизвестно.

«Ну, если сразу не казнят, значит, повезло...»

– Скольких она, ты говоришь, убила?

– Вот этого, в чёрном, господин сотник, и ещё самое меньшее двоих.

– Что говорит о себе?

– Неведомо, господин. Никто не знает её языка, а она не знает нашего.

«Принесли черти напасть на мою голову, – поморщился сотник Цзян. – Что я должен буду отписать наместнику? Явилась, мол, женщина странного вида с малолетним сыном, неведомо откуда и неведомо зачем, сама неведомо кто, даже имени её не знаю? Если меня за такой доклад в десятники разжалуют, считай, повезло...»

Оставалось одно: пристроить её куда-нибудь, с таким расчётом, чтобы не нанести вреда её чести, если выяснится, что эта дама знатного рода, и повелеть домочадцам учить её языку. Но куда пристраивать-то? Не в казарму же. И, упаси Небо, не к себе домой. Дома своих проблем хватает... Вот старшина мастеров-оружейников как раз подходит. Девяти его мастерам с семьями пока предписано располагаться в пустой казарме, а для него дом почти готов. Как и положено начальнику мастеров, достаточно просторный и с отдельной клетью для гостей во дворе. Кто же знал, что он прибудет без жены, без наложницы, всего лишь с двумя детьми и парой слуг? Места, значит, много, вот пусть и селит чужестранку в клеть. И ей никакого урона для чести, и всем меньше беспокойства.

– Да, господин, – почтительно склонился мастер, выслушав приказ. – Для меня будет честью принимать госпожу гостей в моём новом доме.

Что-то царапнуло слух сотника, он не сразу понял, что именно. Бросил быстрый взгляд в сторону смиренно стоявшей незнакомки, и только тогда догадался, что именно ему показалось странным.

– Почему ты назвал её госпожой, мастер Ли? – спросил он.

– Она исполнена достоинства, как знатная дама, господин.

– Тем не менее того человека она убила не копьём, а кузнечным молотом.

– Не мне судить, кто она, господин, пока госпожа сама не расскажет о себе.

– Вот именно. У тебя три месяца. Мне всё равно, кто будет учить её языку: ты, твои дети, твои слуги или кто-то ещё. Но через три месяца она должна связно поведать о себе всё, что может. А о чём поведать не пожелает, ты сам её расспросишь потихоньку.

– Господин, – мастер ещё раз склонился. Без подобоострастия или раболепия, со сдержанным достоинством человека податного сословия, знающего тем не менее себе цену. – Если выяснится, что госпожа не знатного рода, прошу дозволения взять её в свой дом.

«Ишь ты, – мысленно усмехнулся сотник. Даже настроение слегка приподнялось. – Смутился, как мальчишка, которого отец собрался женить в пятнадцать лет. А что, женщина неплоха. Я бы и сам взял, могу и знатную в дом привести, да кто её знает? Присоединиться к обозу и с ходу ввязаться в драку наравне с мужчинами... Чего ждать от такой женщины, кроме головной боли и скандалов?»

– Дозволяю, – кивнул он. – Я дал тебе срок. Делай, что хочешь, но через три месяца она должна стоять передо мной и отвечать на вопросы.

– Будет исполнено, господин.

«Даже если она и знатная, этот мастер своего не упустит, – окончательно развеселился сотник. – Не тот человек. Впрочем, кто знает, что это за женщина и каковы обычаи её племени. Может, там принято не мужьям выбирать жён, а наоборот. То-то мастер удивится!»

Сотник Цзян предвидел, что, возможно, не всё будет так гладко, как хотелось бы, но поделаться с собой ничего не мог. Не так много радостей выпадало ему в жизни и по службе, чтобы отказать себе в праве хотя бы мысленно позабавиться. Пусть и за чужой счёт.

И тут он заметил кое-что такое, от чего ему стало неудобно.

Женщина, вместо того чтобы скромно стоять, опустив глазки долу, самым наглым образом его изучала. Не взгляд, а нож хирурга: мол, а ну-ка посмотрим, что у тебя внутри, господин сотник. Притом досточтимый Цзян Яовэнь готов был поспорить хоть на три связки цян, что

дамочка вытряхнула его наизнанку, перебрала по косточкам и привесила табличку с ценой. Крайне неприятное ощущение. Что ж, приказ на её счёт он уже отдал. Теперь лишь от мастера Ли зависит, сможет ли чужестранка усвоить хотя бы основы цивилизованной жизни, а значит, создавать на подотчётной ему территории как можно меньше проблем. Три месяца – не мало-вато ли?

Как будто не дура. Должна усвоить. Ну, а если упрётся и станет цепляться за обычаи своего племени – ей же хуже. Поднебесная и не таких в тонкую муку перемалывала...

Знаете ли вы, что в первую очередь обязан сделать настоящий попаданец?

Напроситься на приём к Сталину? Перепеть Высоцкого? Убить Хрущёва?

А вот и нет. Настоящий попаданец в какую угодно эпоху первым делом обязан... заболеть. Иммуитет у него в любом случае заточен на другую микрофлору, вот в чём проблема. Но этого почему-то нет ни в одной книге.

Яна и Ваня заболели буквально на следующий день после того, как их разместили в крошечном флигельке. Зря таблетки заранее глотали, надо было чуть-чуть подождать. Болезнь сразила их, едва они немного отошли после дикого стресса, и развивалась стремительно: температура подскочила буквально за час-другой, почти сразу появились сопли до пола и изматывающий кашель. Если бы не упаковка мощного антибиотика и пузырёк витаминов в капсулах, им пришлось бы совсем плохо. Радовало одно: местные бациллы, в отличие от тех, к которым они привыкли, были очень чувствительны к антибиотикам. Яна припомнила, что читала что-то по этой теме, вроде бы во времена изобретения пенициллина бактерии дошли даже от малых доз лекарства. Это за прошедшие с 1927 года десятилетия болезнетворная микрофлора поднакачала устойчивость, а здесь бациллы ещё непуганные. Пары таблеток на нос хватило, чтобы устроить им тотальный геноцид. Но недельный карантин выдержать пришлось, от греха подальше. Не хватало «отблагодарить» приютившую их семью чем-нибудь малоприятным вроде гриппа.

Дальнейшую жизнь матери и сына можно было описать ленинским девизом: учиться, учиться и ещё раз учиться. Дело было не столько в китайском языке, точнее, в его средневековом ханьском варианте, сколько в бытовых мелочах. Хорошо, что им повезло с учителем. Вернее, с учительницей. С маленькой Сяолан.

Давно подмечено, что дети, если речь не идёт о прирождённых дебилах, намного легче взрослых усваивают иностранные языки. В особенности когда учебный процесс исключает тупую зубрёжку и включает игру. Пока Яна разучивала слова «чашка», «палочки для еды», «плита» и тому подобные, Ваня уже более-менее свободно объяснялся с детьми мастера Ли – своей ровесницей Сяолан и шестилетним Ляншанем. Не говоря уже о том, что брат и сестра Ли сами начали потихоньку перенимать русские слова. А когда Яна под мудрым руководством мелкой наставницы добралась до сложносоставных предложений и общепринятых речевых оборотов, оправившийся от последствий дорожных приключений Ваня уже напросился учеником к мастеру. Молотом махать ему, понятно, ещё не скоро позволят, но мехи раздуть, подать-принести по мелочи – это пожалуйста. А с той поры, лишённая общения со сверстником, девчонка переключила всё внимание на Яну. И дело пошло быстрее. Уже через месяц с небольшим она могла торговаться на рынке и помогать старухе Гу Инь на кухне, не путая названия блюд и ингредиентов.

С мастером Ли в это время она пересекалась нечасто. Когда пересекалась, старалась, дабы ничего не напортить, выказать ему почтение, как хозяину дома, и не слишком явно демонстрировать радость от встречи. Здесь это было не принято. Мастер в свою очередь делал ровно то же самое, и, как ни пытался казаться невозмутимым, получалось не очень. Затем он сразил наповал всех соседей, подарив госте платье покойной жены. Одно из четырёх, лучшее из предназначавшихся для повседневной носки. И одежонку для мальчика. Пусть не новую, но вполне добротную. Для времён, когда хорошая одежда ценилась очень дорого и передавалась

по наследству, это был поступок на грани фола. По кузнечной слободке поползли пересуды: мол, чужеземная ведьма приворожила мастера. За колдовство вообще-то в империи Тан светила «статья», но не за любое, как в средневековой Европе, а только за злокозненное, направленное на пагубу кому-либо. Любовные привороты к таковому не относились, да и выяснилось, что никто не видел, чтобы чужестранка проводила какие-то обряды. Нет свидетелей и доказательств – нет и дела. Но всем соседкам рты не заткнёшь, а мастер Ли только подливал масла в огонь, оказывая госте почтение, выходившее, по всеобщему мнению, за все разумные рамки. И... нельзя сказать, что Яне это было неприятно.

Надо сказать, что мастер Ли давненько уже не испытывал такого мальчишеского стыда.

Когда гостя, осунувшаяся и похудевшая после болезни, с помощью жестов и пары усвоенных слов кое-как объяснила старой Гу Инь, что желает вымыться, служанка сводила её в маленькую домашнюю баньку. И он не удержался, расспросил служанку... Старуха, смекнув, что к чему, захихикала и принялась рассказывать господину, что, мол, да – госпожа недурна собой, молода и сильна, и если, мол, замуж выйдет, ещё не одного ребёнка родит. Гу Инь давно ворчала на него, что не брал в дом достойную женщину, остановившись на смазливой служаночке, которую, кстати, продал вместе с домом, когда пустился в дорогу. Мол, не дело это – такому видному господину во вдовстве жить. Сейчас старая нянька, заметив то, что сложно было не заметить, удвоила свои усилия. Напрасно старалась. За мастера Ли давно всё решено Небом, остаётся лишь покориться его воле.

Сына госпожи гостыи он заметил в обществе своих ребяташек. Мальчишка тоже был ещё слаб, и, сидя на крылечке, кутался в покрывало – это в тёплый летний денёк-то. Судя по обрывкам фраз, доносившихся оттуда, Сяолан не унималась, втолковывала ему новые слова. Мальчик старательно их повторял. То, как он ёжился под покрывалом, навело мастера на мысль поинтересоваться, не надо ли чего ему и его матушке. Если не она сама, то парень хотя бы сможет внятно сказать, не нуждаются ли они в чём-то. Всё-таки на новом месте...

Хороший, вежливый сын у госпожи. Завидев его, первым делом встал и поклонился. Даже поприветствовал его, как полагается, молодец. Сразу видно: их народ не дикари какие-то, а вполне культурные люди, воспитанные в почтении к старшим. Уже хорошо. На вопрос, можно ли поговорить с его матерью, ответил не сразу, пришлось повторить – медленно, чётко произнося каждый слог. Тяжело с иноземцами объясняться...

– Мама там, – когда парнишка понял, чего от него хотят, слабо улыбнулся и кивнул в сторону двери. – Стирает одежду. Можно я спрошу её?

Тогда он почувствовал первый укол стыда. Ну, конечно же, что ещё должна сделать культурная женщина, как не позаботиться о чистоте тела и одежды? Особенно после болезни... Мальчик тем временем, поправив на себе сползающее покрывало, постучал в дверь. Что-то сказал матери. Та ответила, и в её голосе послышалось волнение. Да, ему это наверняка не показалось.

– Мама сейчас... выходить... выйдет, – учтивым тоном проговорил мальчик, тщательно подбирая слова.

Покрывало опять сделало попытку сползти с его плеча, и Юншань снова ощутил неловкость: он заметил на мальчике рубашку его матери. Ту самую, что была на ней в день боя, слишком большую для ребёнка.

Тихонько стукнул отодвигаемый засов, и госпожа, отчего-то смущаясь, показалась в двери. В глубине клетки за её спиной смутно белела рубашонка её сына, висевшая на натянутой между столбами верёвке, а чуть дальше – и вовсе исподнее. Госпожа порозовела и пролепетала слова приветствия, да так тихо, что он её едва расслышал.

Запах влажной одежды ударил в нос, и мастер Ли мысленно обругал себя самыми распоследними словами. Женщина была вынуждена натягивать на себя аккуратно зашитое и высти-

ранное, но непросохшее одеяние не потому, что спешила выйти к хозяину дома, а потому, что ей больше нечего было надеть.

Получив предписание отправляться в приграничный городок, мастер собрался в дорогу основательно. Пришлось покупать телегу и волов, чтобы погрузить имущество семьи и самим не идти пешком. А госпожа с сыном? Что у них было в заплечных мешках? Судя по их невеликой толщине, лишь самое ценное. Наверняка шкатулка госпожи, кошель с деньгами и мешочек со снадобьями. Важные документы: ведь западные люди знают грамоту и ведут документацию, не совсем же они варвары. Какие-то вещицы мальчика. Что-то памятное, возможно, семейные реликвии. Но из одежды у госпожи и её сына осталось лишь то, что было на них. Всё прочее пришлось бросить. Стало быть, он не ошибся в своих выводах: госпожа действительно не пустилась в дальний путь по своему произволению, а бежала, спасаясь от смерти. Где уж тут таскать за собой мешки с одеждой? И – глаза его не обманывали – сейчас ей было невыносимо стыдно выглядеть оборванкой в глазах хозяина дома.

Не ей, а ему должно быть стыдно – за то, что раньше не сообразил. Мужчины вообще редко проявляют сообразительность, когда речь идёт о женских тряпках. Но если гость в чём-то остро нуждается, долг хозяина позаботиться о нём.

Вернее, о ней. Смущённая благодарность госпожи была ему лучшей наградой.

Когда стресс схлынул, и она посчитала возможным разобраться в мешанине чувств и эмоций, выяснилась пара вещей, которые заставляли задуматься. Пять лет она жила заботами о сыне, работой и памятью о муже. Редкость по нынешним временам, но за это время она ни разу даже не подумала о пресловутой личной жизни. Потеряв любимого человека, она потеряла всякий интерес к ней. Сын и работа. Работа и сын. И никаких глупостей. На неё обращали внимание, пытались так или иначе завязать близкие отношения, но всё впустую: после смерти Димы она словно перестала видеть других людей «в цвете», все казались плоскими, чёрно-белыми и на одно лицо, как на экране древнего телевизора. Она действительно настолько любила мужа. Тоже редкость по нашим временам. Быть может, второй причиной такого холодно-равнодушного отношения к личной жизни стало строгое воспитание, данное матерью. Маму, в свою очередь, в крайней строгости воспитала бабушка, что, учитывая её происхождение, выглядело необычно. Ведь прабабушка-то была официанткой в питейном заведении и, мягко говоря, легкомысленной особой. Она даже затруднялась сказать, кто, собственно, был отцом её дочери. Судя по бабушкиной метрике и указанной в ней дате – ноябрь тысяча девятьсот сорок второго – Яниным прадедушкой, скорее всего, был какой-нибудь скучающий по своей фрау немецкий зольдат. Уж как прабабка выкручивалась после того, как немцев выгнали из Тарту, неведомо. Но дочь ушла из дома в день своего четырнадцатилетия, поселилась в общежитии при техникуме и более с матерью не общалась. Видимо, бабушка Римма так боялась увидеть в собственных дочерях хоть тень характера её беспутной мамыши, что воспитала их в пуританской строгости. А те уже отыгрались на своих детях. Впрочем, Яна не раз мысленно благодарила мать за это.

Но сейчас... Мастер Ли в её глазах был ярким и «объёмным». Живым. Тот миг, когда они ощутили своё единство и поняли его без всяких переводчиков, сразу поставил всё на свои места. Но дьявол кроется в деталях. Они не на необитаемом острове живут, и здесь существует масса традиций, которые не стоит нарушать. К примеру, Яна почему-то была почти уверена, что мастер навестит её в гостевом флигельке. Если не в первый же вечер, то в один из последующих. Даже пришла к выводу, что не станет возражать против его визита. Но он не решился переступить через некие правила, о которых ей ещё только предстояло узнать, чем и заслужил её неподдельное уважение. Не всякий на его месте был бы настолько честен с женщиной, согласитесь. Тем не менее Яна выскребла из памяти всё, что помнила о брачных обычаях Китая. Здесь, кажется, не зазорно иметь и жену, и наложниц. Да, но рядом с мастером Ли не наблю-

далось женщины сопоставимого возраста. Из особ женского пола в доме обитали только бедно одетая старуха, скорее всего, ещё его самого нянчившая, да малявка Сяолан, дочь. Значит, вдовец, и давно. Его взгляды, его неловкие попытки объясниться с ней куцым набором уже изученных слов, его подарок – платье. Яна понятия не имела, как здесь выглядело ухаживание, и имело ли оно вообще место в этих краях, но это было именно оно. Ошибки быть не могло.

Значит, судьба распорядилась именно так? Хорошо. Если и жить с кем-то, то лучше с любимым. Иначе она не могла.

Желая хоть как-то отплатить ему добром за добро, Яна прибиралась по дому, мыла посуду, готовила. Словом, заметно облегчала жизнь старой служанке, попутно разучивая новые слова и кулинарные рецепты. «Спасибо», «пожалуйста», «сходить на рынок», «сварить рис», «поджарить рыбу с овощами» – по ходу дела слова запоминались лучше, чем если бы пришлось учить их в институтской аудитории. Понемногу стена непонимания подтачивалась ручейком познания, и в ней уже проглядывали солидные бреши. При общении с соседями, только-только обжившими свои новые дома, и просто случайными прохожими на рынке требовался почти такой же набор слов: «спасибо», «пожалуйста», «сто лет жизни». И самые магические, нечасто применяемые, но безотказно действовавшие: «Я пожалуюсь господину сотнику». После них даже особо наглые персоны, особенно солдаты из крепости, умеряли свой пыл. Раз уж чужеземка сумела освоить эту фразу, стало быть, сумеет и пожаловаться, с неё станется.

А главное – не забывать кланяться, да не кому попало, а в соответствии с табелью о рангах. Здесь это не форма унижения, а норма поведения. Особенно для женщины.

Лето перевалило за середину, пожелтевшая степь звенела под белым от жары небом. Речушка, у излучины которой примостился на холме форт, обмелела. Приехавшие ещё по весне крестьяне уже успели вспахать несколько крупных наделов, и сейчас эти куски земли выделялись высокими всходами с красными верхушками. Гаолян неприхотлив, и растёт даже в сухой степи. Будет, будет у поселенцев на эту зиму и зерно для лепёшек, и силос для немногочисленной скотинки. Да огородики вскопаны и засеяны репой, да куры гуляют по дворам. Кто-то умудрился привезти живые саженцы сливы, правда, старики сомневались, что они здесь примутся. Иными словами, колонисты, несмотря на несхожесть коренного Китая – окрестностей Жёлтой реки – и монгольской степи, старались перенести сюда частичку своего привычного мира.

А мир был многолик, и строящийся форт Бейши убеждался в этом всё чаще. Его ведь не просто так здесь поставили, а для охраны торговых людей, шедших из Китая и в Китай. Здесь проходил один из многочисленных рукавов знаменитого Шёлкового пути, северный. Яна видела большой гостинный двор, который мысленно именовала не иначе как караван-сараем: уж больно много там бывало гостей в чалмах и халатах. Чаще всего, конечно, приезжали «культурные» кидани и маньчжуры-мохэ, но те старались в форте не ночевать, им своих юрт вполне хватало. А вот персы и арабы мелькали как бы не чаще странноватых тангутов, хотя чего им делать на северном маршруте. Или другие небезопасны?.. Из Китая шли торговые караваны, везшие фарфор, чай и шёлк на север и запад, то есть к степнякам, в те же Персию, Аравию, Северную Индию. В Китай везли жемчуг, драгоценные камни, ювелирные изделия, благовония, предметы искусства, дорогое оружие вроде знаменитых дамасских клинков, знаменитые персидские блюда редкостной красоты... Да много чего везли, в обе стороны, в том числе и запретного. Но самой массовой статьёй импорта были лошади. Степняки не только кожи и меха предлагали на продажу, но и табуны крепких выносливых коняшек. А иноземцы, если ветер судьбы проносил их мимо Кашгара, привозили великолепных коней-«персов», которые в Китае именовались «небесными». Купить такую лошадку мог разве что принц или богатый вельможа, но раз везут товар, значит, есть и спрос.

Всё началось с того, что однажды, ближе к вечеру, по улочке новопостроенной кузнечной слободы пробежал мальчишка.

– Небесные кони! Небесные кони! – кричал он. – Купцы пришли, ведут небесных коней!

Для мелкого приграничного посёлка это – событие. Разумеется, малышня высыпала из дворов и, сбившись в галдящую стайку, помчалась к «караван-сараю». Яна как раз подметала дворик и, выглянув за ворота, увидела в этой стайке белобрысую голову сына. Ну, конечно, как он мог остаться в стороне? Ханьская детвора, сторонившаяся чужаков, при его первой попытке влиться в коллектив, встретила пришлеца недоброжелательно. Были и словесные перепалки, были и драки, но как только мелкий получил статус младшего ученика мастера Ли, всё мгновенно прекратилось. Он стал *своим*. Тем более что уже довольно бойко чирикал по-китайски. Так что за него мать была более-менее спокойна. Бегаёт с другими сорванцами – и пусть бегаёт. Обидеть его мог разве что кто-то из каравана, но на то и кормились в форте воины императора, чтобы пресекать непотребства на корню. А вот кони... Что за кони такие, и почему они «небесные»? Яну разобрало любопытство, и она, отставив метлу, отправилась следом за детьми.

Кони действительно были великолепны. Ахалтекинцев она, правда, до сей поры видела только в кино и на фото в сети, но узнала сразу. Как же не узнать, красавцы из красавцев. Неудивительно, что почитавшие красоту и гармонию китайцы называли их «небесными». Но, не будучи фанаткой лошадей, быстро потеряла к ним интерес. Куда больше Яну заинтересовало другое. Крепость – фактически пограничная, первый китайский населённый пункт на пути караванов, где есть таможня и чиновник, имеющий право выдавать пайцзу. То есть пропуск на территорию империи. Купцы были обязаны предоставить властям отчёт о товарах, таможенники проверяли тюки и ящики, а чиновник заносил в реестр имена торговых гостей империи и список перевозимого. И только после этого раздавал пластинки меди или серебра, испещрённые иероглифами. Так вот: один из персидских купцов, шедший с караваном, который привёз ахалтекинцев, назвался торговцем редкостными заморскими украшениями из золота и серебра.

«Ювелиркой торгует, да? – подумала Яна, вслушиваясь в такую же корявую, как у неё самой, китайскую речь перса. – Хорошо. Завтра найду его. Постараюсь удивить».

Уже полных два месяца она жила в гостях у семьи Ли и чувствовала себя не в своей тарелке. Меньше всего на свете она стремилась сидеть у добрых людей на шее, и потому решила продать кое-что из своего запаса. Золотые банковские слитки лучше не трогать, в Китае золото ценилось лишь как материал для изделий и «банковский металл», а не как платёжное средство. Но ведь у неё была целая коробка скупленных на излишек денег всяческих колечек-цепочек. Выбрать вещицу, более-менее соответствующую эпохе, и предложить торговцу. Да не просто подойти и сказать: «Дядя, купи колечко». Дядя в таком случае колечко, может, и купит, но даст за него хорошо если десять процентов цены. А то и вовсе отберёт под универсальным предлогом «оно же наверняка краденое». Нет, бизнес нужно вести тоньше. С соблюдением кое-каких местных условностей, разумеется.

Завтра у неё будут деньги. Завтра она получит чуточку больше свободы, и...

И – что? Что дальше-то?

В Поднебесной человек без статуса – пустое место. Подданным хуанди хорошо, у них какой-никакой, а статус с рождения имеется, у каждого. Даже у «цзяминь», самых распоследних нищегородов и рабов. Даже женщины имели свой статус, обладали имуществом и платили налоги. А вот чужеземцы – не всегда. Особенно если за ними не стояло сильное царство или большой мешок денег. Потому-то, едва узнав о системе статусов, Яна начала продумывать варианты получения одного.

Самый простой способ в её случае – выйти замуж. Эта мысль, такая неприятная в той, прежней, вдовьей жизни, здесь не вызывала отторжения. Она давно поняла, что мастер Ли откровенно, хоть и совершенно по-китайски, за ней ухаживает. У неё установились самые тёп-

лые отношения с его детьми. Понимала, что этот человек ей, прямо скажем, безразличен. Так почему бы и нет? Тонко намекнуть, что если сделает предложение, отказа не будет, и всё. Приятное с полезным совместится наилучшим образом. Вот только Яна отвыкла тянуться на поводке за стервой-судьбой, и идти по пути наименьшего сопротивления. Да, мастер Ли ей не просто безразличен. Откровенно говоря, она влюбилась, как девчонка. Но смириться с мыслью, что абсолютно всем в этой жизни она будет обязана мужу, не смогла. Сама ни на что не годна, кроме как окрутить мужика? Нет уж. Сначала она докажет окружающим, что не пустое место. Заслужит статус. А потом уже можно подумать о личной жизни.

Нужен стартовый капитал. Пусть небольшой, но достаточный, чтобы разжиться инструментом.

А что до низкого статуса женщины... Помнится, после смерти мужа Яне почти два года пришлось доказывать, что умеет вести бизнес не хуже прочих. И это во времена, когда эмансипация всё-таки имела кое-какой успех. Здешные законы, особенно неписанные, напоминали ей каменный колодец. И не обойдёшь, сидя в оном, и лбом не прошибёшь, бесполезно. Оставалось надеяться на народную мудрость – «Капля камень точит». Она и так уже порвала шаблоны, расхаживая по посёлку без сопровождения. Правда, поначалу приходилось гонять озабоченный молодняк метлой, деревянной лопатой, мотыгой или первым, что под руку подвернётся, чем порвала ещё один шаблон. Но зато внушила местным жителям должное почтение к своей особе. Связываться со свирепой чужеземкой больше никто не пожелал, здоровье дороже. А это в свою очередь означало, что при желании можно пробить, проточить, прогрызть любую стену. Главное – поставить соответствующую задачу.

Купец Бахрам, сын Асима, прозываемый по родине предков Шапури, приезжал в Поднебную уже в третий раз.

Трудновато становилось торговать в последнее время: арабы, будь они трижды прокляты, мало того что перебегали дорожки, так ещё и впихивали честным персам свою веру, всячески препятствуя торговле почитателей Ахуромазды. Чтoб их Ахроменью сожрал и выплюнул, из-за них приходится забывать дорогу в Хиджаз, где можно было купить несравненные украшения из чеканного золота. Даже в Кашгаре не сильно расторгнешься, хоть он давно уже под империей: все лучшие места под мусульманами или ханьцами. Или принимай ислам, или уступи место торговцам с более гибкой совестью.

«Продать веру отцов и дедов за место на базаре... – мысленно негодовал он, заедая жареного цыплёнка свежим, но пресноватым китайским рисовым хлебцом, приготовленным на пару. – Был Ануширван, а стал Ала-ад-Дин. Словно плюнул на могилу отца, отрекшись от имени. Нет уж. Это не для меня, хоть и говорят, будто купец за лишнюю монету готов продать что угодно и кого угодно».

Зато Бахраму нравилось осознавать, что теперь, попутешествовав с христианами на запад и с единоверцами на восток, повидал гораздо больше, чем тот же Ануширван... тьфу ты – Ала-ад-Дин, чтоб ему на ровном месте споткнуться. Побывал в городе Кустантина, стоящем сразу на двух берегах пролива, имел честь поклониться тамошнему кайсару чудесными чеканными блюдами, золотыми и серебряными, за что получил привилегии на торговлю. Купил там и выгодно продал в Китай румийские и эллинские статуэтки, которые местные жители буквально выбрасывали в мусор, разбивали или пытались переплавить. Ходил в Индию, откуда привозил дивные самородные камни. Даже дерзнул при последнем посещении румийской столицы на обратном пути сделать изрядный крюк к северу, в земли народа болгар, где пересёкся с купцом из диких германских земель, почти за бесценок продавшим ему чудесные камни кахруба, цвета мёда¹. Эти камни, обёрнутые кусочками шёлка для сохранности, сейчас покоились в шкатулке

¹ Янтарь.

с самыми ценными украшениями. Изделия мастеров Бухары ценились богатыми китайками, иные вещицы украшали собой даже императрицу У и её любимую дочь, принцессу Тайпин. Вёз Бахрам не только украшения, но и прекрасные кубки чёрной бронзы, покрытые золотой насечкой – гордость и тайна мастеров Парса. Вёз эллинскую статуэтку из нетускнеющего сплава серебра, изображавшую древнюю воинственную богиню в шлеме и с копьём, которую ему продал в Кустантина подвыпивший светловолосый язычник из числа дворцовой стражи. Тамошние христиане, чего греха таить, относились к таким вещицам ничуть не лучше последователей араба Мохаммада. А купцы, подобные Бахраму, делали благое дело, спасая древнюю красоту от плавильных горнов и топоров варваров. Во всяком случае, самому Шапури нравилось так думать. Ну, и выгода из этого тоже проистекала. Пьяному наёмнику он заплатил два арабских динара. Здесьним ценителям заморских диковинок он сможет продать статуэтку если не за золото, то за пару больших тюков цветного шёлка, это точно. А эти тюки только в Бухаре принесут ему не менее шести динаров чистой прибыли. Если же рискнуть и попробовать отвезти их в Рум, прибыль возрастёт вдвое. И это только за одну небольшую статуэтку.

Базар этого городишки маленький, народец тут обитает небогатый. Бахрам, как владелец самого малогабаритного товара, отчитался одним из первых и, получив серебряную пайцзу ещё вчера вечером, наслаждался отдыхом в гостинном дворе. Выбор блюд местной харчевенки далеко не столичный, но купец в пути не может позволить себе изысканные яства, дабы потом в дороге не искать кусты. Лучше простая сытная пища, от которой желудок не завяжется узлом в самый неподходящий момент. Неспешно позавтракав, купец всё же решил прогуляться по базарной площади. Не то чтобы он рассчитывал что-то купить или найти покупателя на свой товар, просто ему было скучно. Крепкорукий слуга и охранник Шерзод остался сторожить сундуки и лошадей, а Рустам, любимый и единственный сын, отправился с отцом.

Конечно, в пути Бахрам обращал внимание на женскую красоту, тем более что румийки, индуски или китайки не скрывали лиц и не кутались в покрывала с ног до головы. Он знал меру и не расшвыривал деньги на ветер, покупая благосклонность шлюшек на каждой остановке, но временами природа брала своё. Последний раз он одарил вниманием женщину... да, дней пятнадцать назад, в становище северных варваров, где сбыл с рук несколько грубоватых изделий с запада. Многовато. Потому даже пугливые и тощие китайские девчонки, которых потихоньку предлагал гостям хозяин здешнего постоянного двора, начинали казаться желанными. Бахрам уже решил было, если караван задержится ещё на сутки – чего не хотелось бы, конечно – взять на ложе какую-нибудь из них. Всё равно какую, все на одно лицо. Но тут его взгляд отыскал в не слишком густой толпе покупателей такое, отчего купец даже, не сдержавшись, причмокнул.

Женщина. В китайском повседневном платье, какие носят жёны и дочери средней руки ремесленников, но с походкой и осанкой шахини. В сопровождении всего лишь одной служанки. И – похожая на того беловолосого варвара, что продал статуэтку, словно родная сестра. Вот это да! Как она сюда попала? Хотя дороги открыты всем и во все стороны... Бахрам не назвал бы её сказочно красивой, у него по поводу красоты было своё мнение, но необычность женщины вызывала смешанные чувства.

– Отец, кто она? – спросил Рустам. Ну да, в его-то четырнадцать пора уже проявлять определённый интерес.

– Не знаю, сынок, – ответил он. – Видел таких в землях западного кайсара. Мужчины служили в страже, а женщины сопровождали богатых хозяек. Германка, должно быть. Или из иных варваров, которых румийцы именуют «анты».

И ведь держится незнакомка с таким достоинством, что не подкатишь к ней с предложением немножко подзаработать. Хотя платье на ней не новое, а служанка – беззубая старуха. Значит, в деньгах нуждается. Можно рискнуть. Разумеется, начав разговор в самом уважительном тоне, дабы в случае отказа отступить без ущерба для чести.

О! А ведь женщина смотрит на него! Более того – что-то говорит старухе! Неужто тоже скучает? Впрочем, не стоит подгонять коня нетерпения. Лучше послушать, что скажет старая карга, посланная к нему госпожой.

– Господин, – старуха привычно поклонилась и прошамкала: – Госпожа Янь просила передать, что видела вас вчера и слышала, будто вы торгуете драгоценностями. Госпожа со всем почтением просит вас показать товар, чтобы она могла выбрать что-нибудь.

Покупательница? Здесь, в этом захолустье? Надо же, а по виду и не скажешь. Бахрам расплылся в улыбке и заверил старуху, что покажет её госпоже чудесные изделия мастеров из дальних стран. Тоже неплохо. Шахские вещи, ясное дело, он распаковывать не станет, а вот массивные румийские кольца и висюльки, которые ценились беловолосыми варварами и здешними степняками, конечно же покажет. А на ложе, так и быть, возьмёт служанку с постоянного двора.

– Рада видеть вас, достойный купец, – Яна ещё с вечера придумала себе легенду для беседы с персом и тщательно подобрала нужные китайские слова. – Прошу говорить со мной на языке хань, ибо я не знаю фарси, а вы наверняка не знаете моего родного языка.

– Более того, я даже не представляю, откуда родом моя госпожа, – лучезарно улыбнулся торговец. – Но в том, что в ваших жилах течёт шахская кровь, я уверен.

– Вы ошибаетесь, – мягко улыбнулась Яна. – Но сейчас это неважно. Могу ли я посмотреть на диковинные вещи, которые вы так нахваливали, и узнать их цену?

– Мои сундуки на постоялом дворе, госпожа. Не будет ли ущерба вашей чести, если я приглашу вас туда?

– Там есть харчевня, а моя служанка будет свидетельницей, что ущерба чести не было.

«Ишь ты, как перья распустил, – думала Яна, время от времени зыряка на перса из-под скромно опущенных ресниц. – Сейчас выложит самый бросовый товар и загнёт космическую цену. А мы улыбнёмся и... обратим его хитрость против него самого».

Она собиралась применить свой излюбленный приёмчик из прошлой жизни, за который её дружно невзлюбили барыги с ювелирной барахолки. Какой именно? Всему своё время.

Харчевня была новая, ещё очень чистая, и устроенная скорее в персидском духе, хотя распоряжался здесь толстый ханец. Ковры на полу скромные, чисто выметенные, подушки мягкие. Подносы, правда, использовались тоже не персидские, а китайские, зато посуда представляла собой весь Восток. Купец заказал чай и послал сына за ларцом.

И, в отличие от персидских харчевен, здесь имели место занавеси, дабы желающие конфиденциальности посетители могли вкушать пищу и совершать сделки, не мозя глаза окружающим. А таковых было много.

Пока служанки принесли чайничек и чашки, паренёк явился с тяжёлым, окованным железными полосами ящичком. Повозился с замком и с загадочной улыбкой откинул крышку.

Старая Гу Инь ахнула. Яна изобразила заинтересованность, а купец просиял. Но на взгляд женщины, видевшей куда более утончённые изделия, в ящичке находился склад кое-как отшлифованных самоцветов размером с блок пирамиды Хеопса, оправленных в грубо спаянные между собой куски листового золота. Да, камни неплохи. Если попадут в руки хорошего гранильщика. Да, золото чистое, и его много. Но выглядели эти заморские диковинки, на её взгляд, вульгарно до тошноты. Обвешаться ими – и на панель, от клиентов отбоя не будет. И неважно, что вон то кольцо, если верить персу, когда-то носил румийский – римский, что ли? – кайсар. Это кольцо могло заинтересовать Яну только в качестве кастета. Пожалуй, единственной действительно красивой вещью здесь был неширокий золотой браслет со вставками из тёмно-синего лазурита. Застёжки браслета были выполнены в древнеегипетском стиле, в виде фигурок каких-то богов. Очень похоже на добычу грабителей гробниц, уж слишком тонкая работа по сравнению с остальными вещами. Нет, явного интереса она к браслету не

проявила, но заметочку для себя сделала. Начала интересоваться ценами. Старуху чуть дед Кондратий не прихватил, когда купец назвал стоимость «кольца румийского кайсара».

– Что скажешь, Гу Инь? – Яна обратилась к единственному имеющемуся под рукой эксперту по ценам в Поднебесной.

– Что вы, госпожа! – бабка от волнения даже забыла поклониться и замахала руками. – Десять лян серебра! Небесный конь здесь стоит пятнадцать, а в столице и того больше!

– Дорого, почтенный, – с улыбкой женщина обернулась к торговцу, улыбка которого слегка поблекла. – Полагаю, вы устали в пути, поиздержались и решили немного поправить дела. Понимаю. Но купец, чтобы продать вещь с прибылью, не обязательно должен спрашивать за неё тройную цену.

– Сколько же моя госпожа готова заплатить за этот несравненный перстень? – торговец явственно скис. Чужестранка сразу назвала точную цену, и совершенно определённо не собиралась платить больше. – Только пусть прекрасная пери не говорит о цене в три лян с третью! Шахские украшения всегда стоят больше, ибо их касались руки царей! Восемь лян, о луноликая госпожа.

«У меня нет времени на торги в стиле восточного базара, – подумала Яна. – Пора наносить удар».

– Восемь лян, – улыбнулась она. – Считайте, половина цены небесного коня, столь ценного в приютившей меня стране. А есть ли у моего господина вещи стоимостью двух таких коней?

– Такими вещами, госпожа моя, торгуют купцы, владеющие собственными караванами, – перс виновато развёл руками. Вообще его мимика и жестикация была понятна Яне куда больше, чем китайская. – Я слышал о шахских камнях дивной огранки, привозимых из Индии, и даже видел их, но продавать... Нет, не довелось.

– Я готова показать вам кольцо, которое было куплено моим покойным мужем за цену двух небесных коней, – произнесла Яна и выпростала руку из длинного рукава. – Вы совершенно точно назвали его шахским.

Купец, едва разглядев, что именно ему показывали, чуть не упал с подушки. Его поразила не оправа красного золота, тончайшей работы, а камень. Большой, потрясаяще огранённый, невероятной чистоты... рубин. От изумления он подрастерял купеческое самообладание и какое-то время не мог и слова вымолвить.

«Ещё бы ему не онеметь, – Яна и бровью не повела, она была готова к такому обороту. – Таких качественных камней здесь нет, и до семидесятих годов двадцатого века не предвидится. Но по всем параметрам эти, искусственные, от натуральных ничем не отличаются... Приходи в себя, приятель. Пора торговаться по-настоящему. Ты ведь уже понял, что не на лохушку нарвался».

Купец, оправившись от потрясения, тут же попросил возможности осмотреть камень. Мало ли, подделки и тогда имели место, покупателю следовало быть осторожным... Великолепный рубин острым уголком трёх идеальных граней буквально вспахал тонкую стеклянную пластинку, уже исчерченную следами прошлых проверок. Блеск, игра света – на высоте. А уж цвет... Шахский камень, истинно шахский!

– Думаю, пора обратиться к чиновникам, – с двусмысленной усмешкой произнесла Яна.

– Зачем нам это, госпожа моя? – перс доверительно понизил голос. – Лишние глаза и уши – лишние расходы. Кроме того, я не знаю, имеют ли право местные таможенники закреплять подобные сделки и брать за них налог. Вдруг мы невольно подтолкнём честных людей к совершению должностного преступления?

– И то верно. Что ж, какова ваша цена?

И торг состоялся. Самый настоящий, восточный. Разве что с поправкой на участие в нём женщины, что явно сдерживало язык купца. Мысленно-то он наверняка величал её весьма

нелестно, но Яна не дала ни единого повода выплеснуть эмоции. Общение с китайцами научило её сдержанности и вежливости, а это при многих обстоятельствах непробиваемая броня. По опыту она знала, когда можно твёрдо стоять на своём, а когда не вредно и скидку сделать. Люди в этом смысле были одинаковы, что в двадцать первом веке, что в седьмом. Итогом получасовых переговоров стала цена в шесть лянов по весу персидскими дирхемами и пять полных связок цянь («Видит бог, господин мой, только из уважения к вам продаю за сущий бесценнок...»), плюс тот самый лазуритовый браслет в качестве бонуса. Не смогла устоять перед настоящим египетским искусством, что поделаешь.

– Дедушка, ну пожалуйста, прошу вас, – Лю Даню было до слёз обидно, но старшим не перечат. Разве что упросить можно, и то если будет милостиво Небо. – Мне вчера исполнилось пятнадцать. Прошу вас, дедушка, дайте мне взрослую работу!

Дед сурово нахмурился, но ничего не сказал, только сильнее сжал узловатыми пальцами корявую клюку.

Базарные носильщики – клан почище кузнецов. Это семья в самом прямом смысле слова. Два сына и два старших внука старика Лю разгружали и грузили, помогали распаковывать и запаковывать тюки при осмотрах караванов, носили корзины с покупками за состоятельными женщинами. Одна-две цянь за корзину, но и то прибыль. Младшие внуки бегали по рядам, высматривали работу для отцов и старших братьев и докладывали дедушке об увиденном. А женщины семьи занимались домашним хозяйством, частенько подрабатывая прачками. И помилуй Небо чужака, вздумавшего отбивать у семьи Лю заработок! Здесь не столицы, рыночек маленький. Тут и одному мелкому клану тесно. Только и надежды, что крепостица строится на торговом пути. Глядишь, пойдут караваны, работы прибавится, а там и младшие внуки подрастут.

А этот всё ноет. Взрослый он, видите ли. Тут его отцу за день хорошо если десять-двенадцать цянь заработка перепадёт...

– Дедушка! Дедушка! – к старику подбежал чумазый пострелёнок, младший брат Даня. – Дедушка, там госпожа купцу драгоценность продала! Будет много цянь, нужно будет нести!

– Показывай, – дед неожиданно легко для своего возраста поднялся со скромного сидения. – А ты иди за мной, – это уже внуку-нытику. – Хотел взрослой работы? Будет тебе работа.

Лю Дань просиял, подхватил на плечи палку с подвешенными на её концах корзинами и потрусил следом за шустрим братцем и дедушкой.

Они подросли вовремя: чужеземный купец как раз рассчитывался с госпожой, а его дюжий слуга доставал из сундучка связки монет. Пять связок и ещё сверкнувший на солнце браслет! Дорогая, должно быть, вещь продана... Ах, вот оно что. Это же госпожа Янь, та самая чужеземка, что поселилась в слободе кузнецов. Наверное, у неё было кое-что припасено из побрякушек, теперь продаёт. Ну, да ладно. Главное – не упустить заказ. Старуха-то ей не помощница.

– Госпожа, – старик Лю просеменил к женщине и низко поклонился. Носильщики – «цзяминь», «дешёвые люди», они всем должны кланяться. – Госпожа, прошу вас, не трудите себя, наймите моего внука. Он поможет вам донести деньги до дома. Пожалуйста, госпожа. Всего три цянь.

Госпожа, смерив взглядом корзину с медью и щуплого подростка, кивнула в знак согласия.

– Пять цянь, – сказала она. – И твой внук поможет мне ещё купить продукты в рядах.

Пять цянь за один заказ! Хорошая клиентка!

– Как пожелаете, госпожа, – ещё ниже склонился дед, а внук с таким же глубоким поклоном с готовностью подставил корзины и начал грузить в них тяжёлые связки.

Пять связок. Пять тысяч монет из медно-свинцового сплава. Каждая связка больше трёх с половиной килограммов. Итого около восемнадцати кило.

Такой валютой и пришибить недолго, и пупок надорвать. Один плюс: не родился ещё вор, способный незаметно стянуть эти гири из корзины носильщика. Хорошо, что для крупных расчётов тут всё чаще применяют серебряный лян – чуть меньше сорока граммов серебра. Слитки обязательно проверяют на чистоту и наносят пробу. Но монеты из серебра нет. Потому даже выторгованные за кольцо персидские дирхемы в случае чего будут принимать на вес, а не по номиналу. Но им сейчас ходу не будет. Пусть лежат.

Придёт и их время. Пока у неё есть пять связок цянй. Хватит купить всё, что она задумала, и ещё останется.

Чтобы получить свидетельство мастера третьего разряда, а вместе с ним официально зарегистрированное имя и статус, нужно сдать экзамен. Чтобы сдать экзамен, нужно либо пойти в ученики и много лет ждать, пока мастер даст добро, либо назваться чужеземным мастером и подтвердить своё искусство делом. То есть в её случае – коваными изделиями. На полноценную кузницу денег не хватит, да она и не нужна. Достаточно попросить мастера Ли, и он выделит ей уголок в цеху. Но инструменты и слитки железа она должна купить за свои деньги.

Она твёрдо знала: руки вспомнят отцовскую науку. Так было уже, два года назад. Встала к наковальне, и словно не было десяти лет перерыва. Руки вспомнят. Иначе и быть не может.

Парнишка-носильщик обливался потом, сгибаясь под тяжестью корзин, но старался услужить, как мог. Пять цянй – это сущая мелочь. Стоимость пары рисовых колобков или небольшой порции мясных пельменей. А этот мальчик готов за такие мизерные деньги хоть целый день таскать за ней корзины с медью и снедью. Яна жила здесь два месяца, но привыкнуть к невероятной дешевизне тяжёлого труда не могла. Оплата должна как минимум компенсировать энергозатраты человека на её зарабатывание. Как минимум! И обязательно должна быть надбавка как поощрение, иначе любая работа превратится в рабский труд за миску каши. Наблюдения последнего года там, ещё дома, показали, что именно к этому – к массовому рабскому труду за миску каши – и стремится система, именовавшая себя либеральным капитализмом. А здесь пришлось воочию наблюдать идеал либерала. Разумеется, социальные революции здесь никто устраивать не собирается, но хотя бы облегчить труд таких вот мальчишек вполне реально.

Скажем, была бы у него не палка-«кормысло» с привязанными к её концам корзинами, а обыкновенная тачка...

Над этим стоит подумать. И ещё: носильщики крутятся весь день на рынке, много видят, много подмечают. Пока это ей без особой надобности, но мало ли, каким боком повернётся жизнь? Может, и торговать доведётся, сбор информации в бизнесе стоит довольно дорого, но если, предположим, расположить к себе того ушедшего деда несколькими лишними монетками, он от приработка, не требующего больших физических усилий, не откажется. А платить ему можно сдельно, только за ценные сведения.

Кто из купцов надёжен, а кто, напротив, склонен к обману или непомерно жаден. Кто падок на женщин, кто любит красиво одеваться, кто тайком возит запретные товары, у кого полезные знакомства в обеих столицах, у кого часто видят вещи, не соответствующие его кошельку и положению, и так далее. Рано или поздно пригодится. Может, и в торговле, а может, и не только в ней.

Видимо, небеса положили этому дню сделаться решающим в её судьбе. Уже сделала один шаг к своему месту под солнцем и задумала ещё два. Нет, три. Потому что продукты она покупала не просто так, а для угощения семьи Ли экзотическими западными блюдами. Курица, запечённая с яблоками, рыба в кляре из самодельного майонеза, оладьи на кислом молоке, печенье, пусть и просыаное, зато с мёдом, кусочки фруктов, вываренные в том же меду. Детям должно понравиться. А мастеру Ли – ну, это уже как получится, на всех, если что, не угодишь.

Зато этот ужин предполагал серьёзный разговор с мастером. Он первым должен узнать ту версию её истории, какую она сможет изложить уже сейчас. А там можно развить тему покупки инструментов, будущего экзамена и... личной жизни. Ей очень не хотелось уходить отсюда куда бы то ни было. Надёжный мужчина. Сильный. Спокойный. Даже если бы не протянулась между ними та незримая ниточка, всё равно не стоило бы такого упускать.

Она и не упустит. Но всему своё время.

— ...А купец и говорит: «Госпожа моя, стоимость небесного коня ещё не значит, что эта вещь тоже родом из-под облаков», — женщина с запахом жасмина весело, в лицах пересказывала содержание своей беседы с персидским купцом. — А я ему и отвечаю...

Неизвестно, зачем, но милая гостья именно сегодня решила угостить их блюдами своей родины. Хань непривередливы в пище. Западные люди, видимо, тоже, но вкус у снеди совсем не такой, к какому он привык с детства. Не неприятный, нет. Просто необычный.

Зато мелкота в восторге. Ляншань аж пищит, дайте ему ещё медового печенья. Ванди рад привычной еде, а егоза Сяолан уже успела повыспросить у госпожи, как и из чего это делается. А сейчас дружно похихикивают над рассказом Янь — смеяться в голос в присутствии взрослых неприлично. А он-то что? Так и будет сидеть и внимать женщине бесстрастно, как статуя Будды? О каком бесстрастии может идти речь, когда от одного звука её голоса теплеет на душе?

Она знает уже достаточно слов, чтобы коротко рассказать о себе. Должно быть, пришло время первому узнать, кто она. Прежде всего мастера интересует именно это: кто она, какого сословия. Если знатная дама, то о ней придётся забыть, такая связь в империи запрещена. Хотя богатые купцы, бывает, женятся на бедных аристократках... Но он не богатый купец. На «цзяминь» она несколько не похожа. Кланяться-то она кланяется, но видно, что это всего лишь маска. Согнуть её душу не получится ни у кого, это очень заметно. Значит, если не знатная дама, то «лянминь», из «добрых людей», податного сословия. Значит, ему равня...

В первые дни, когда она ещё сидела больная в гостевой клетке, запершись, чтобы никого не заразить, мастер отнёс сотнику Цзяну клинок собственной работы. Один из лучших, что даже на продажу не выставлял, а повесил на стену. Мол, что бы там ни было, гостья пока не способна ни объяснить, ни усвоить законы Поднебесной. Так пусть господин примет подарок от него. Мало ли, может, горячка унесёт её, как унесла его первую жену. Но Небо было милостиво, гостья выжила. Теперь осваивается в незнакомой стране... Неважно осваивается. Пусть она плохо говорит на языке хань, но и так видно, что мыслит она совсем по-другому. Хань тоже не подарок, они само послушание лишь с виду. Но если бы все поголовно принялись дотошно исполнять законы, империя развалилась бы уже через год. А госпожа действует так, словно для неё вовсе нет границы между законом и беззаконием. Надо же — взялась кольцами торговать, не узнав сперва, как это полагается делать...

Ладно. Что бы ни случилось, кем бы она ни оказалась, меч-дао сотнику он отдал не зря.

Если она знатная дама... Что ж. Всё будет зависеть уже от неё. У знатных дам, знаете ли, тоже капризы бывают, а он ей явно нравится. Если она ему равня, то станет женой. Это непреложная истина. Уже будучи женой, она должна будет внимать его наставлениям, никуда не денется.

Мастер Ли и сам не заметил, как вступил в весёлую перепалку с гостьей, подловив на неправильном произношении. Женщина с запахом жасмина смеялась, веселились дети, и самому ему хотелось смеяться так же весело и беззаботно. Но всё хорошее заканчивается слишком быстро. Вечер обнял дом мастера алыми крыльями заката. Пора детворе отправляться спать. Ванди давно делил комнатку с Ляншанем, с тех самых пор, как выздоровел: негоже сыну, достигшему десяти лет, ночевать в одной комнате с матерью, словно несмышлёному младенцу.

– А ну бегом спать, чертенята, – мастер Ли сурово сдвинул брови. Обычно малышня при этом стихала и послушно разбредалась по своим лежанкам. Но сегодня он чем-то себя выдал. Глазастая мелочь и сейчас побрела спать, но хихикать не прекратила. Вот паршивцы... Притом сразу ясно, кто зачинщик безобразия. Ванди. Парень слишком умён для своего возраста и всё подмечает, любой пустяк.

Весь в мать.

– Не осуждайте его, мастер Ли, – ну, вот, и она туда же. – У нас намного меньше условностей, он привык не бояться выражать своё мнение.

– Даже если его мнение расходится с вашим? – спросил мастер.

– Все люди разные.

Да. Все люди разные. Иногда даже слишком.

Она сидела на персидской подушке, за невысоким столиком, уставленным опустевшими тарелками. Справа от него, на почётном месте. По тёплому времени кан² ещё не топили и не устилали поверх циновки одеялами. Можно было, сидя на нём, даже ощутить подобие прохлады, идущей от кирпичной кладки. Но мастер если что-то и чувствовал сейчас, то не удовольствие, а неловкость.

Он не знал, с чего начать разговор, способный определить его судьбу на многие годы вперёд. Хвала Небу, гостья это поняла и, едва Гу Инь прибрала со стола и оставила их одних, пришла ему на помощь.

– Вы хотели знать, кто я, – она не спрашивала – утверждала. – Я дочь кузнеца, мастер Ли. Я вдова купца. Давно уже, пять лет. Моих родителей убил мой же дядя. Я беглянка, потому что отомстила ему, и нас с сыном поклялись извести. Вот, собственно, вся история. Без подробностей, потому что ещё не знаю всех нужных слов.

– Больше пока и не надо, – мастер почувствовал себя так, словно прилёг отдохнуть после целого дня тяжёлой работы в кузнице. Дочь кузнеца! Это главное, что ему было нужно о ней знать. – Но почему в вашей семье произошёл такой разлад? Неужели... из-за денег? Ваш отец был богат?

– Не сказала бы. Просто... он был великим мастером. Такое богатство вызывает у него-девя двойную зависть, ведь его не украдёшь.

– Он успел передать своё искусство сыну?

– У меня нет ни братьев, ни сестёр. Но отец учил меня. Должно быть, чтобы я научила своего сына, когда он вырастет, – она мягко улыбнулась и посмотрела ему прямо в глаза. – Я как раз хотела попросить вас помочь мне в этом. Прошу, не обижайтесь.

– Что вы, – облегчение прорвалось радостной улыбкой. – Чем я могу вам помочь?

– Скажите, у кого я могла бы купить кузнечные инструменты?

– Для сына?

– Для себя.

– Зачем это вам? Я сам могу учить Ванди. Он почтительный сын и талантливый ученик.

– Мне... не столько учить моего мальчика, сколько... – она так очаровательно смутилась, что мастер нетерпеливо ёрзнул на циновке. – Я сама могу быть мастером. Я докажу. У нас ученик сдаёт экзамен, и я готова. Мне только нужны инструменты, скромное место в кузнице и время, чтобы сделать два... две безупречные вещи.

– Я всё никак не могу понять, зачем это вам? – недоумевал мастер.

– Кто я? – она снова устремила на него взгляд своих бледно-голубых глаз. – Кто я, мастер Ли? У меня здесь даже законного имени нет. Нет права покупать и продавать недвижимость

² Кан – система отопления в домах Северного Китая и Кореи. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам проходил горячий воздух от печи, одновременно являясь дымоходом. Печь, находившаяся у одного из концов лежанки, служила также и для приготовления пищи. Иногда кан представлял собой отопляемый пол (ондоль в Кореи и дикан в Китае).

без поручителя. Меня нет в документах. Меня нет для закона. Если кто-то меня убьёт, ему за это ничего не будет. Заплатит штраф в казну за нарушение порядка, и всё. Словно собаку пришибли. А звание мастера, пусть низшего разряда, даст мне имя, права и уверенность в будущем сына. Вот что для меня это значит, мастер Ли.

Ну, что за женщина... Всё у неё слишком сложно делается, не по-людски.

– Дорогая моя, – он постарался, чтобы его голос не дрожал так предательски. – Милая моя госпожа, всё это вы можете получить, став моей женой.

Сказал – и ощутил укол страха. А вдруг откажет? Нет, положительно, он ведёт себя, как безусый юнец, забывший, что на свете существуют свахи, способные подобрать ему достойную супругу... Но он не мог ошибиться. Женщина с запахом жасмина всегда смотрела на него с приязнью и тихой грустью, с какой вдовы оценивают свободных мужчин. Только сейчас мастер понял одну непреложную истину: даже если милая гостя происходит из знатной семьи, она будет продолжать лгать, называясь простолюдинкой. Чтобы остаться с ним. На всю жизнь.

Впрочем, Небо и предки не попустили.

Мастер Ли готов был поспорить на свой лучший молот, что Янь не только была готова услышать это, но и обрадовалась.

– Это слишком просто, – сказала она, нежно улыбаясь, краснея и отводя взгляд. – Я должна доказать...

– Что и кому?

– Я здесь никто. Если я сейчас приму ваше предложение, в ваш дом войдёт никто. Такая жена не сделает вам чести. Дайте мне шанс сделаться кем-то, заслужить хоть немного уважения людей, среди которых нам всем ещё много лет жить.

Она права. Здесь никто не знает ни имени, ни славы её отца. Никто ничего не слышал о её покойном муже. Сын слишком мал, чтобы быть надёжной опорой матери. Просто выйти замуж не позволяет гордость, стремление что-то доказать... Кому? Ему? Ему не нужно ничего доказывать.

– Вы не должны ничего доказывать, по крайней мере мне, – он озвучил эту мысль, показавшуюся убедительной. – Пусть для закона вас нет. Пусть для соседей вы чужеземка, но для меня вы...

– Кто? – едва слышно спросила она, когда пауза затянулась.

– Любимая.

Слово произнесено. Теперь назад хода нет.

Женщина с запахом жасмина медленно, словно во сне, протянула к нему руку. Какие у неё тонкие, белые пальцы... И какие они тёплые.

– Я согласна, мастер Ли...

– Юншань, – тихо произнёс он. – Для тебя теперь – по имени.

– Юншань, – повторила она, слабо улыбувшись. – Дай мне месяц, пожалуйста. Всего месяц. Я сдам экзамен и в тот же день, клянусь, выйду за тебя. Просто дай мне эту возможность. Неужели я много прошу?

Вообще-то да, она просила о невозможном. Даже если она создаст клинок, достойный прославленного генерала, даже если все мастера его артели решат, что она достойна звания мастера, наместник этого решения не утвердит. Свидетельство мастера-оружейника женщинам не выдают. Хотя, по правде сказать, до сих пор женщины и не пытались на него претендовать, не по их силёнкам работа. Но... Кто знает эти западные народы? В бою Янь убила троих, причём одного – бросив молот. А затем ударила киданя копьём, да так, что остриё показалось из его спины. В горячке боя, в бешенстве, удваивающем силы – но она это сделала. Может, и правда отец учил её... Но ждать целый месяц? Видеть её каждый день, вдыхать запах жасмина, и не сметь её коснуться? Так с ума можно сойти.

Впрочем, есть одно решение. Мастер Ли не думал, что оно не понравится любимой.

– Хорошо, – сказал он, не отпуская её руку. – Я дам тебе инструменты... Ну, раз ты так хочешь – поговорю с мастерами, чтобы продали их тебе. Я дам тебе место в кузнице. Я дам тебе время, чтобы подготовиться к экзамену. Но только при одном условии.

– Каком? – он угадал её вопрос по губам – так тихо она это проговорила.

– Ты выйдешь за меня немедленно. То есть завтра пойдём к чиновнику и оплатим налог за брачную запись. Но в мой дом ты войдёшь хозяйкой – и прямо сейчас.

– Я надеюсь, не прямо здесь? – она тихо рассмеялась. – Детей разбудим... любимый.

Ею тоже сказано слово. Значит, так тому и быть.

Значит, она не поняла его уловки.

У них обязательно родятся дети. Вот прямо сейчас они этим и озаботятся, ко взаимному удовольствию. А беременную он потом с чистой душой выгонит из кузницы, и жена не сможет ничего возразить. Нечего ей молотом по железу стучать, пускай детишек нянчит.

В его глазах горел огонёк безумия.

В другое время, в другом месте и с другим человеком – Яна испугалась бы. Но не сейчас, не здесь и не с ним. Потому что сама была безумной.

Их нынешнее эмоциональное состояние можно было описать одним-единственным словом: дорвались.

Кто он ей теперь? Любовник? Нет. Муж. Человек, с которым хочется дожить до старости, вырастив достойных детей и порадовавшись внукам.

И всё же была какая-то ненормальность в их отношениях. Слишком яркая и сильная вспышка страсти, словно кто-то взял и преднамеренно усилил эту «опцию». То есть «опция»-то присутствовала, и если бы события развивались естественным путём, всё пришло бы к тому же результату. Чуть попозже и не так бурно. Он точно так же называл бы её «ласточкой», «жасмином» и «белым цветком»... Разве нет?

Почему они так дружно и качественно спятили? И почему так же дружно не хотят лечиться?

«Надеюсь, время покажет...»

Взятки люди придумали намного раньше денег.

Лишнюю шкурку вождю – и он, глядишь, начнёт ставить тебя на хорошие места во время охоты, чтобы ты мог нанести зверю смертельную рану и получить лучший кусок добычи. Лишнюю меру зерна писцу – и он не будет спрашивать с тебя слишком строго, а, того гляди, ещё и дочку возьмёт в служанки. Лишний кошелек сестерциев – и у тебя право построить инсулу не в Субуре, а в более престижном районе. Яна где-то когда-то читала, будто в Османской империи даже налог со взяток брали. В империи Тан до этого ещё не дошло, однако разнообразные подарки здесь были основой благополучия не только чиновника, но и дарителя. Спасибо Юншаню, разъяснил, зачем ему понадобилась какая-нибудь красивая вещица из её шкапулки. Она с удовольствием отдала будущему супругу на растерзание коробку с серебром, зная, что в Китае оно ценится очень высоко. Мастер Ли, завидев столько серебра тонкой работы, удивился и тихо порадовался: богатая жена никому не помешает. Отложив несколько колечек и цепочек, он, ничтоже сумняшеся, спрятал коробку в тайничок под лежанкой.

– Потом остальное сюда положишь, – хитро прищурился он. – Ведь это не всё.

– Конечно, не всё, – сказала Яна. – Сейчас у тебя нет времени на разговоры, но потом мы обсудим, что делать с моим наследством.

– А сама что думаешь?

– Я? Я думаю, как узаконить эти ценности, не привлекая особого внимания, и пустить их в оборот. Чтобы нам было что оставить детям. Кузница кузницей, а получить образование...

– Чиновниками мальчишкам не быть, забудь об этом, – Юншань мягко, но крепко – не вырвешься – взял её за руку и усадил рядом с собой. – Они недостаточно изворотливы для должностей, и происхождение не то. Особенно это касается Ванди... Глупая ты, женщина, хоть и хитрая. Не знаю, что ты там продала, но пять связок цянй видел весь базар. Теперь придётся платить с них налог и дарить подарок, чтобы простили за задержку.

– Делай, как считаешь нужным, – виновато улыбнулась Яна.

– Это моя вина, что не научил тебя законам.

– Любимый, у меня на родине любой здешний чиновник был бы беспомощнее ребёнка, а двух месяцев мало, чтобы... всё узнать. Ты недавно цитировал изречение Кун Цзы, а я и половины не поняла, что ты сказал.

– С этого дня дело пойдёт быстрее, – весело хмыкнул мастер. – Уж теперь-то тебя поучу. Ну, я пошёл. Сегодня приезжает досточтимый Чжоу Ванцзы, он составляет брачные записи и имущественные документы... Эх, такое захоlustье, что даже постоянно живущего делопроизводителя нет.

– Удачи, любимый!

«Мой дорогой меня поучит, – Яна мысленно развеселилась. – Конечно поучит. Если на учёбу останется хоть какое-то время».

Она понимала, что с такой счастливой улыбкой выглядит глупо, но поделаться с собой ничего не могла. Последнее, что требуется в этом случае – прятать лицо и отрицать очевидное. Яна и не пыталась. Просто сочиняла несложный завтрак – детей надо покормить, Юншань скоро вернётся – и тихонечко намурлыкивала под нос какую-то мелодию.

– Ма, – Ваня как всегда проснулся раньше всей мелкоты и сунулся на кухню. – А где дядя Ли? Мы в кузницу не идём сегодня?

– Не знаю, Ванюша, – Яна всё ещё пребывала в своих эмпиреях и едва только не танцевала у печки. – Он ушёл по делам.

– О! – даже если бы мелкий не был так наблюдателен, всё равно заметил бы разительную перемену в матери. – Ма, – хитро заулыбался он, – ты что, влюбилась?

– Да, – Яна, отставив горшок с рисом, нагнулась и расцеловала сына в обе щеки. – Так заметно?

– Ещё как заметно!

– И я знаю, что ты сейчас вернёшь мне все подначки, которыми я подкалывала тебя за Эльку.

– Ну... Элька – дело прошлое, – мелкий порозовел, вспомнив свою первую любовь, за которой весь второй класс носил её рюкзачок с учебниками. – А это дядя Ли, да? А вы поженились? А у тебя будет красивое платье?

– Ты бы ещё спросил, будут ли фотограф и лимузин, – хихикнула Яна. – Пока мастер Ли не вернётся, никому не говори. А вдруг нам не разрешат пожениться, что тогда? Я же чужая. Пока беги, буди малышей. Пора завтракать.

Пожалуй, единственной неприятностью, случившейся в тот безумный день, стал оборвавшийся шнурок. На шнурке висел мешочек. А в мешочке лежал тот серебряный кулон-ключ, из-за которого, как подозревала Яна, всё и закрутилось. Она давно сняла бы кулон с цепочки, на которой ещё тогда умудрилась сломать замочек, и перевесила на другую из своего запаса, но петелька кулона была намертво припаяна к одному из звеньев. Всё верно. Если кулон такой ценный, что за ним и сквозь время какие-то типы в чёрном шастали, то он не должен потеряться, если случайно порвётся цепочка.

Яна всего два или три раза за это время доставала его, просто посмотреть и попытаться хоть что-то понять. Не поняла, естественно, ничего. Из загадочных свойств ключ явно демонстрировал только неспособность нагреться даже до температуры человеческого тела. Но если

бы его секрет состоял только в этом, за ним бы не охотились. Она ведь, выходя из дому, скрытно носила нож в рукаве, как раз на случай появления коллег убиенного «чёрного». Да и дома клала его под жёсткую подушку. Потому что ни на грамм не верила, что её оставят в покое. Неважно, когда, но до неё всё равно доберутся. Предложение мастера Ли – просто подарок судьбы. Теперь, если ей не повезёт, а шансы на фатальное невезение при встрече с бывшими хозяевами ключа достаточно велики, у Вани будет отец. Именно отец, а не отчим, китайцы в этом смысле детей на сорта не делили – тот родной, тот не родной. Законному приёмышу наследство доставалось наравне с родными сыновьями, особенно если он был талантливым учеником и почитал приёмного отца как своего. Так что за судьбу сына теперь можно быть более-менее спокойной.

А кулон... Наверное, всё-таки нужно хоть как-то починить замочек. У неё есть запасной, снять оттуда колечко и поставить сюда. И носить. Чем чёрт не шутит. Шнурок может опять порваться в самый неподходящий момент, а чтобы порвать серебро, нужно приложить некое усилие. Одно Яна знала точно: потерять эту штуковину нельзя. Откуда у неё была такая уверенность, она не смогла бы сказать. Предчувствие, что ли. И смутная догадка, что не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

Так что, покормив детей и дав им задания по дому, она пошла в спальню, достала из тайничка серебро и как смогла починила цепочку кулона-ключа. Всё же надёжнее.

Неприятности на сегодня закончились, зато начался форменный дурдом.

Яна даже не догадывалась, что такое китайское бракосочетание. Думала, будет поход в буддийскую часовенку, где молитвенно бдел единственный на всю округу монах, а получилось как в загсе – пришли к чиновнику, восседавшему на возвышении, раскланялись, получили наставление и свидетельство о браке. Разве что не расписывались сами, имена новобрачных в книгу вписывал всё тот же тощий, как жердь, чиновник, не успевший нагулять благополучный жирок по сугубой молодости лет. Судя по довольному блеску его хитрых глаз, подарки от молодожёнов пришлись по душе. Заодно, как говорится, чтоб два раза не вставать, оформили завещание госпожи, именовавшейся отныне Ли Янь Байхуа. В перечень вошла не подробная опись предметов, а «драгоценности, доставшиеся госпоже Ли Янь как в наследство от первого мужа, чужеземца, так и от продажи дома на родине». Серебряный браслет с малахитом, отданный мастером Ли за то, чтобы имущество жены описали именно таким образом, был так красив!.. И ещё: досточтимый Чжоу Ванцзы совершенно не разобрал варварские письмена в договоре на продажу дома, который госпожа с почтением – и тщательно скрываемой улыбкой – предоставила по первому его требованию. Правда, печать на нём была удивительной красоты, переливалась под солнцем, как самоцвет. Должно быть, именно это и убедило его в подлинности документа, ибо языка, на котором он был составлен, не знал никто, кроме госпожи и её сына. Ну, и уже совершенно незначительным событием стала уплата госпожой налога с проданной ею драгоценности за пять полных связок цянй. Именно с этой суммы налог и был уплачен. А что? Господин чиновник в приватной беседе с мастером Ли выразил уверенность, что колечко с красивым бледно-зелёным камнем – кстати, хризолитом – обязательно понравится его почтенной матушке.

А вот дальше началось... Подношение в часовню, благословение монаха – нынешняя императрица весьма благоволила буддизму – приём поздравлений, приглашение гостей, расходы на праздничное убранство дома и угощение, объявление внеочередного выходного в кузнице, временный наём слуг... С музыкантами в захолустье было туговато, но кузнецы со смехом заверили, что сами споют, если им дадут хорошего вина. Представив себе эту картину, Яна схватила за голову. М-да, пьяные гости – проблема любой многолюдной свадьбы. Но празднество поскромнее старшина артели кузнецов позволить себе не мог, иначе соседи перестали бы его уважать.

Как ни мало Яна ещё знала о местном житье-бытье, но главное правило китайца усвоить успела. И правило это оказалось диаметрально противоположно русскому менталитету. Неважно, что ты сам думаешь о себе, неважно, что думают твои близкие. Важно, что скажет соседка, тётушка Бо, и её соседка Чжан, и соседка соседки, склочная бабка Ву, и базарная торговка Сяо. А чтобы они думали о тебе хорошо, будь, как все. Не выделяйся. Соответствуй своей социальной роли, и о тебе никто плохо не скажет. Попытка сломать стереотип, хотя бы просто из желания сделать карьеру, общественным мнением глухо осуждалась. Не дело, мол, если сын кузнеца вдруг бросает дело предков и идёт в армию, не дожидаясь приказа. Оно, конечно, патриотично, хуанди нужны солдаты, но всё равно тётками сие осуждается. А значит, далеко не каждый рискнёт, если нет войны, и хуанди не объявил тотальную мобилизацию, пробивать барьер между социальными прослойками. Мир? Значит, не дёргайся, а тюкай молотком по заготовке, и будет тебе «лицо». Нет, Яна понимала, что с соседями лучше жить мирно. Понимала, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и пыталась соответствовать китайскому понятию «лица», насколько это было возможно. Пока что из дурного соседки приметили только необъяснимую привязанность к ней мастера Ли. Нехорошо это – мужика привораживать. Хотя никто ничего не видел, доказать не смог, но соседкам только дай языки почесать. Нет, ну скажите на милость, зачем заниматься приворотами? Вдова? Ещё молода и привлекательна? Понравился тебе свободный мужчина? Поверти перед ним аппетитными частями тела, он сам и приворожится. Разрешилась для всезнающих соседок и вчерашняя её сделка аж на пять связок. Ясное дело, на свадьбу нужны деньги, а они, видать, давно миловались, и наверняка всё было по уговору. А как же иначе? Вон как подгадали под приезд почтенного господина Чжоу, разве это случайно? Нет, таких случайностей не бывает... Яна никогда не жаловалась на слух. Проводя планёрки на своей фирме, она могла разобрать, о чём перешёптывались бухгалтерша с кладовщицей, сидящие по ту сторону стола. Сейчас сквозь гомон гостей её ушей достигали обрывочные фразы, которыми обменивались жёны кузнецов, разодетые в свои праздничные платья. И из фраз складывалось, какой видят её эти женщины. Одобряют её выбор, осуждают за «приворот», судачат, что не пристало женщине так явно выказывать своё счастье в новом браке. И все дружно сходятся во мнении, что чужестранка, воспитанная по законам своей родины, никогда не станет хань, даже если будет очень стараться. Вот сын её, если правильно воспитать, станет хань, даже сильно отличаясь внешне.

«Да, я другая. Вы даже не представляете, насколько. Но почему Юншаня это не смущает, а вас – да?»

Она скромно сидела рядом с мужем, одетая в старинное шёлковое платье, передававшееся в семье Ли уже третье поколение. В нём выходили замуж бабушка, мать и первая жена Юншаня. Теперь настал её черёд. Мастер Ли заверил, что когда подрастут мальчишки и придёт время их женить, невесток тоже, каждую в свою очередь, нарядят в это платье. По семейному преданию, оно приносило счастье новобрачным. Яна улыбалась. В её семье существовало почти такое же предание, только насчёт позеленевшего медного крестика невообразимого возраста, передававшегося в роду из поколения в поколение. Он и сейчас был на ней, рядом с кулоном-ключом. А ведь, казалось бы, век просвещения, век информационных технологий... Пожалуй, общего между людьми всё же больше, чем различий. Это внушало осторожный оптимизм.

Свадьба старшины кузнецов-оружейников – это не только событие поселкового масштаба. Это ещё и статусное мероприятие, на которое приглашали только равных или стоящих выше на одну-две ступеньки. Гуляла вся кузнечная слободка. Пришёл «оказать великую честь своим присутствием» чиновник-инженер, заведовавший достройкой Бейши. Скучавший без семьи, оставшейся в Лояне, господин чиновник охотно принял приглашение, хоть разница в статусах была немного побольше, чем в две ступеньки. Оказался общительным полноватым

дядькой средних лет, цитировавшим наизусть не только Кун Цзы и Сыма Цяня, но и персидскую «Авесту». Впрочем, для знатного обитателя второй столицы империи Тан это было скорее правило, чем исключение, широкий кругозор и знание иностранных языков тогда приветствовались. Присутствовал и сотник Цзян. Без супруги, хотя приглашали обоих. В отличие от инженера, откровенно радовавшегося возможности развлечься, сотник выглядел уставшим и пил несколько больше, чем следовало бы. Что самое интересное – не пьянел при этом, по крайней мере, с виду. Не особо подняло ему настроение даже подаренное Яной в знак благодарности массивное мужское кольцо литого серебра, с квадратным чёрным камнем, хоть подарок он похвалил и сразу же надел. Явился и молоденький чиновник-регистратор Чжоу, крайне довольный подарками семьи Ли, а теперь угощавшийся от их щедрот. Нашлось место и для десятников из крепости – эти веселились вовсю. Ну, а кузнецы, все до единого, ходили именниками. Это был по сути их корпоративный праздник, а уж если мастера Ли так уважают, что его приглашение принимает даже начальство, значит, статус артели высок, как никогда.

«Конечно, высок, – думала Яна, не скрывая тонкой улыбки. – Не плуги ведь куют, а мечи. Хотя могут и плуги, если пожелают, а вот обычный деревенский кузнец, привези его сюда и поставь к наковальне, далеко не сразу откуёт хороший меч».

Она давно уже перебирала в уме типы мечей, чтобы выбрать, который можно было бы отковать для экзамена, но сейчас думалось совсем, совсем о другом.

Рядом с ней сидел человек, который по сути стал её ангелом-хранителем в этом мире. Притом берёт её, не способную даже слова по-китайски сказать, с первого же дня. Берёт от слишком уж грубых ошибок, от пересудов соседок, от приставаний холостых парней, от самой судьбы. Такое везение долго продолжаться не может, пора включать голову и помогать мужу в его нелёгком деле.

И, когда служанки увели её в спальню – готовить новобрачную для встречи супруга – Яна уже совершенно точно знала, что и как должна теперь делать. Но начнётся их с Юншанем совместная жизнь с одной фразы. С той самой, что он услышал, когда они наконец погасили светильник.

– Спасибо за то, что ты есть...

Край империи, страна младших сыновей, был не слишком ласков ко всем, кто собирался его населить. Но теперь эти двое обрели опору в жизни.

Они есть друг у друга.

Спасибо, судьба. Иногда ты бываешь не такой уж и стервой.

Глава 4

Дети огня

– Слишком много воли мастер Ли своей жене даёт.

– Вы слышали? Он позволил ей купить кузнечный инструмент и работать в кузнице наравне со своими мастерами! Говорят, будто в своей стране она – мастер-кузнец... Это правда?

– Правда или нет, она не в своей стране. Здесь наши законы, пусть их соблюдает! А она... Неслыханно...

– Почему же – неслыханно? Говорят, во времена царства Вэй и войны с чжурчженями было что-то подобное... Женщина была то ли воином, то ли чиновником...

– Не с чжурчженями, а с жуаньжуанями, неуч. Тоже мне, вспомнил! Сейчас правит не Вэй, и даже не Суй, а Тан. Да и то, та история скорее легенда, чем быль.

– Даже легенды не возникают на пустом месте.

– Уймись, не то вздую! Сказано – женщина обязана заниматься домом и детьми, значит, ничего иного ей не предписано. Хоть ханьской женщине, хоть западной. Всё!

– Сам так же считаю. Но всё же не рискнул бы сказать ей это в глаза. И... Господин, не женщина ли сейчас носит титул хуанди и правит империей?

– Замолчи, сосунок, пока не договорился до хулы на императрицу!

– Молчу, господин.

– Эх-х...

Старики во все времена и практически у всех народов были хранителями основ. Дабы осаживать горячие молодые головы, слишком часто загорававшиеся желанием перемен, старость в Поднебесной была возведена в довольно высокий ранг. Перемены-то далеко не всегда к лучшему бывают, а если дать молодёжи слишком много воли, то сосуд общества будет моментально разбит, не успеешь оглянуться. Народы ведь рождаются, растут, мужают и стареют, как люди. Но, в отличие от людей, чей жизненный путь исчисляется десятками лет, жизнь народов длится многие столетия. Если, конечно, ветреный молодняк не берёт управление в свои малоопытные и, как правило, дырявые руки. Тогда народ, подобный поражённому болезнью телу, либо исцеляется, либо гибнет на радость окружающим варварам.

Народ здоров, пока люди, его составляющие, неукоснительно придерживаются писаных и неписаных правил. Мужчина обязан быть добытчиком и защитником, женщина – хранительницей дома и матерью. А когда муж и жена стоят рядом, за соседними наковальнями, и плющат молотками раскалённый металл, это подрыв основ. Что подумают дочери иных кузнецов? Что если жене старшины можно заниматься мужской работой, то и им позволено? Да уж, удружил мастер Ли... Назвать эту... это существо, похожее на женщину только внешне, Байхуа – Белым Цветком – мог только по уши влюблённый мужчина. Белая – да, это верно. Но «цветок»?!! Скорей уж «чи» – «молоток». Это ей больше подходит.

Если кузнецы не прислушаются и не объяснят жёнам и дочкам, что они – ханьские женщины, которым зазорно брать пример с какой-то пришлой западной кузнечихи – придётся вмешаться старикам. Основы должны быть незыблемы!

Тем не менее небеса на землю не рушились, реки из берегов не выходили, а женщины посёлка рожали самых обычных детей, не козлят или щенят. То есть конец света из-за посягательства на основы почему-то не наступал. Буддийский монах Чжу Юэ многозначительно воздевал палец к небу и вещал, что всё в мире взаимосвязано и подчинено Сансаре. И, мол, раз так происходит, воспринимайте это как испытание. Забредший недавно даос, похожий скорее на ученика, чем на опытного учителя, заявлял, будто всё относительно, мир иллюзорен,

и вообще, Дао – везде и нигде. Персидский мусульманин качал головой и сетовал на падение нравов. Христианин-несторианин, изгнанный мусульманами из той же Персии, в кои-то веки согласился со своим кровным врагом. Такое трогательное единение умиляло: ни один служитель Тянь – Неба – не одобрил поведения западной женщины. Но от слов легче не становилось, а переходить к делу, как справедливо заметил молодой таможенник, не хотелось. Ещё не изгладилась из памяти та стычка обоза кузнецов с «дикими» киданями.

Оставалось утешаться мыслью, что жена мастера Ли не посягает на большее, чем уже имеет, и хотя бы не машет мечом на плацу вместе с кузнецами, когда, согласно приказу сотника, тех время от времени выгоняют тренироваться за компанию с солдатами. В конце концов, порешили старики, пусть эта женщина покажет, что может делать. Если она и вправду хороший мастер, не будет большим проступком, если поработает для армии хуанди. Если же нет... Они не сомневались, что в этом случае муж повыбьет дурь из её головы. Или начнёт делать ей по ребёнку в год, чтобы было чем руки занять. Рожать сыновей – это лучшее, что может сделать женщина для мужа.

Что бы мы ни сделали, всё без исключения отзывается в мироздании. Чаще всего оно проходит для нас бесследно по причине незначительности события, но иногда... Иногда самая, казалось бы, мелочь возвращается к нам в самый неожиданный момент и с самой неожиданной стороны. А вот с чем возвращается – с букетом цветов или ножом – это зависит, как правило, не от нас.

В кузницу Яна вошла не как супруга мастера – с казанком пельменей на обед, – а как ученица мастера, с молотами разного веса и клещами. И первое, что ей поручили, с учётом заявленного опыта работы, это за неделю отковать из слитка, прошу прощения, «чугуния» – то есть обыкновеннейшей крицы – десяток ножей установленной формы. Раз работаешь здесь, изволь принимать участие в выполнении госзаказа. Оный «чугуний» в сталь можно было превратить только тщательной проковкой, здесь нужны были определённые чутьё и опыт, чтобы не перестараться и не доковать до мягкого железа.

Нужно было хорошенько набить руку и приспособиться к особенностям местных материалов, прежде чем замахиваться на что-то более сложное в изготовлении. Голова-то всё быстро вспомнила, а вот рукам, отвыкшим от молота, пришлось по первому времени тяжело.

Она справилась за четыре дня. Когда хитрые старики попытались увеличить ей норму выработки, Яна с самым невинным видом попросила поднять ей статус с ученика до подмастерья. Старики посоветовались и решили с карьерным ростом жены мастера не спешить. Потому у неё образовалось три свободных дня. И поверьте, она их зря не потеряла.

Два дня у неё ушло на сбор кирпичных обломков – крепость-то строили из кирпича – выкапывание ямы и замешивание в соседней яме необходимого количества глины. Затем они с Ваней, перемазавшись по уши и смеясь над чумазыми физиономиями друг друга, выложили самопальную печь и прокалили её разложенным внутри костром. Яна молилась, чтобы ничего не треснуло: печь у отца в кузнице была добротная, не чета этой, которая вышла слегка кособокой. Ничего, для того, что она задумала, сойдёт. Ещё неделя ушла на изготовление тиглей. Яна прокляла ту минуту, когда решила обратиться к мастерам, изготавливавшим кирпич из местной глины. Уж лучше бы сама вылепила, честное слово, сэкономила бы время, потраченное на недопонимание и упёртость старшины кирпичников. Но в конце концов получила шесть тиглей нужной формы и толщины с крышками, в которых загодя проделали по небольшому сквозному отверстию. Но это мы немного забежали вперёд.

Пока тигли ещё сушились перед обжигом, наступил восьмой день, и пришло время для изготовления новой партии из десятка ножей. На этот раз ушло три дня, и появившееся свободное время женщина посвятила сбору ингредиентов... Вы представляете, что о ней подумали соседки, когда она начала рыться в мусорных кучах, выуживая оттуда обглоданные кости,

козьи копыта, а в одной повезло найти сломанный пополам козий рог? В русском языке есть слово, описывающее их состояние, но здесь его лучше не воспроизводить. И строгала Яна свою добычу в корзину под перекрёстным огнём взглядов из всех дворов, из которых было видно кузнечное подворье. Древесный уголь сюда завозили, выпросить пару корзин было сложно, но можно. А соорудить кожаный мех для поддува человеку, знавшему кузнечное дело – пусть не пара пустяков, но уж точно не проблема мирового масштаба. Была бы кожа, шило с суровой нитью, клей, пара дощечек и свободное время.

Самым распространённым материалом в Бейши был всё тот же вездесущий «чугунный», но ей для задуманного процесса нужно было именно железо. Правда, оно, как и крица, было привозным и дорого стоило. Пришлось раскошелиться на два слитка и как следует поработать тяжёлым молотом, разбивая их на мелкие куски. А песка на берегу речки хоть засыпся. Вот теперь, когда собраны все ингредиенты, можно было начинать сам процесс плавки. Тем более, кирпичники умудрились-таки не запороть ни одного тигля, что удивительно: предмет-то им незнакомый. Три штуки она загрузила ингредиентами, а три оставила на потом. Если первый блин выйдет комом, будет в чём испечь второй, с учётом выявленных ошибок.

Положа руку на сердце, Яна переживала за результат этого самого процесса так, словно готовилась к защите диплома. Муж даже забеспокоился о её психическом здоровье, когда жена, с вечера запалив свою печку, всю ночь до рассвета убила на возню вокруг неё, а затем, прекратив поддув, засыпала её песком и развела сверху костерок. То, что она делала, не влезало ни в какие ворота, а на вопросы жена просто не отвечала, загадочно улыбаясь и обещая приятную неожиданность к завтрашнему утру. Если, конечно, её молитвы будут услышаны и всё получится, как надо. А когда костерок прогорел, со спокойной душой отправилась в домашнюю баньку.

Ранним утром следующего дня, до начала работы в мастерской, вокруг остывшей печи собрались все десять мастеров во главе с Юншанем и все ученики – сыновья и младшие братья кузнецов. В несколько пар рук, вооружённых лопатами, песок разгребли, и миру были явлены всё ещё тёплые почерневшие тигли. Три удара молотом, звон хорошо обожжённой глины, затем ещё один удар, короткий «крак» – и...

Узорчатая сталь! Неужели её отец владел секретом выделки узорчатой стали?

Два цельных дисковидных слитка и один располовиненный, с узором по сколу, пошли по рукам.

– Давно мы такого не видели, – сказал один из двоих стариков-кузнецов. – Лет двадцать уже, как в южных царствах за высокими горами началась междоусобица, так и перестали такие слитки возить. Стоили они... уж и не упомню, сколько, самому покупать не довелось. Много лян серебра пришлось бы отдать. Но я слышал, клинки из них выходили отменные. Правда, сам я секрета их выделки не знаю...

– Я знаю, уважаемый мастер Чжан, – сказала довольная Яна. – Конечно же, сделаю клинки.

– А секрет? – сварливо забурчал второй дед. – Много ли толку от твоего умения, если никому его не передашь.

– Передам, уважаемый мастер Шу. Непременно передам. Как только получу свидетельство мастера и право самой брать учеников.

– Какие ученики? – пока кузнецы пробовали слитки ногтем и судили об их свойствах, мастер Ли незаметно дёрнул жену за рукав. – Что ты несёшь, женщина?

– Я же не могла ему прямо сказать: «Дедушка, отвяжись», – устало проговорила Яна: муж называл её «женщина», когда был сердит.

– Мне покажешь, – категорически заявил Юншань. – А я уже сам буду решать, кого учить выплавке и выделке клинков.

Конечно же, воспитанные в смеси традиционного культа предков, конфуцианства и буддизма китайцы своего отношения к выражению «женщина, знай своё место!» не изменили, но это была империя Тан. Яна даже не догадывалась, что Тан была, пожалуй, единственной династией за всю историю Китая, смягчившей нравы и приветствовавшей заимствование полезных из-за рубежа. Именно в этом и крылась разгадка, почему ей вообще позволили кузнечить. А ну как покажет некие секреты западных мастеров, не известные в Поднебесной? Не вредно будет и перенять, а женщину потом, выжав досуха, всё равно – к колыбели и на кухню. Что ж, ожидания оправдались. Узорчатая сталь стоила столько, что на деньги от продажи выделанных из неё клинков можно было бы купить дюжину слитков железа или пяток – хорошей стали. А уж если ей удастся создать узорчатый меч, как задумала – о-о-о! Так и быть, дать ей свидетельство мастера, и пусть тешит им душу, не забыв при этом передать секрет мужу и его кузнецам. Конечно, план по выпуску стандартных армейских мечей следует выполнять, но, согласно законам, всё, что выковано сверх плана, можно продавать с прибылью для артели. Почему бы, сдав интенданту оговоренное количество клинков – без рукоятей! те делали другие мастера! – не заняться до следующего предписания узорчатыми ножами и мечами? Да, долго, да, сложно. Но при успехе получается вещь, неоднократно окупающая все затраты на её изготовление.

Ещё не слишком хорошо читая по лицам кузнецов охватывающие их эмоции, Яна всё же видела, какую бурю подняла своей работой. Уж что-что, а выгода для китайца так же свята, как для дельца с Уолл-стрит. Никакого сомнения: теперь её совершенно точно допустят до испытания. Осталось лишь умаслить чиновника, чтобы разрешил мастерам выдать свидетельство женщине. И – выковать меч. Может, даже не один, раз получились три, пусть и крупнозернистых, но годных в работу слитка булата.

Надо ли говорить, что за процессом следующей плавки на три оставшихся тигля и за каждым действием жёнушки неусыпно наблюдал мастер Ли?

Первый «звоночек» прозвенел в выходной, последовавший сразу после получения второй партии из трёх слитков вуца – булата.

Помимо работы в кузнице Яне нужно было ещё управляться и с женской работой по дому. Здесь ей крупно повезло с детками. Стирка была им ещё не по силёнкам, но подмести, вымыть посуду, вынести мусор и покормить кур они вполне могли. Остальное взяли на себя старуха Гу Инь и вечно молчащий, похожий на привидение Фэнь, её сын. Пока хозяйка возилась со своими печами, молотками и кузнечными секретами, они поддерживали порядок в доме. Но этот выходной Яна твёрдо решила посвятить семье.

Удалось ей это только наполовину.

Ближе к вечеру мужчины кузнечной слободки, соблюдая какой-то свой давний корпоративный ритуал, как правило собирались в недорогой харчевенке у самых ворот, чтобы выпить по чашке чая... или чего-нибудь покрепче. Эдакий мальчишник, где кузнецы перемывали косточки своим жёнам, пока жёны, переговариваясь друг с дружкой через невысокие заборы, перемывали косточки уже им. Юншань традицию соблюдал неукоснительно, и до заката Яна с детьми остались предоставлены сами себе. Обычно они тогда доделывали оставшиеся домашние дела и принимались за... игры. Да, именно игры, во время которых происходило взаимное обучение языкам. Сначала простые, вроде «салочек» или «прятки», потом посложнее – старые добрые «классы». Сейчас дело дошло до интеллектуальных, вроде «угадай слово». Яна училась. Училась всему, чему могла научиться в этом посёлке, не упуская ни одной возможности. Особенно старательно пополняла словарный запас и даже начала изучать иероглифы, которые Сяолан выводила палочкой на земле. Но много ли иероглифов могла знать десятилетняя девочка из семьи мастерового? Ну, сто, от силы. Из нескольких тысяч. Потому Яна поставила себе задачу – как следует выучив всё то, что сумеет перенять у приёмной дочери, найти знающего учителя. А может, кто знает, и школу удастся тут организовать.

Сяолан как раз дорисовала знак «гуан», имеющий значение, близкое к русскому «прервать», «отсоединить», когда с улицы послышались встревоженные голоса соседок. Затем – горестный женский плач и причитания.

«Боже, неужели кто-то умер?»

Яну мгновенно вынесло за ворота. Неучастие в делах общины, пусть такой маленькой, как кузнечная слободка крохотного приграничного посёлка, здесь не только не приветствовалось, но и мгновенно наказывалось неучастием общины в разрешении твоих проблем. Но сейчас это было вторично. У кого-то в семье горе. Не поддержать соседа в таком случае для любого нормального человека – величайшее свинство. Но сперва стоит хотя бы узнать, в чём дело.

Отношения с соседками у Яны складывались по-разному. Пока ни с кем не поругалась, да и не в её это было характере. Настоящая бизнес-леди обязана уметь искать компромиссы, иначе никакая она не бизнес-леди, а сварливая базарная баба. А вот свести более-менее тесное знакомство с тремя женщинами успела. Более того, жена мастера Ляо, она же дочь старика Шу, жившая в доме напротив, уже вполне уверенно могла считаться её подругой. Сяолан дружила с её младшей дочерью. А сейчас... Среди сбежавшихся соседок найти маленькую полноватую Чунпин было непросто, но Яна нашла. По голосу. Плакала и причитала именно она.

– Доченька моя, доченька! – захлёбываясь слезами, рыдала она, прижимая к себе плачущую старшенькую. – Что же теперь будет? Как ей теперь?... Ведь здесь все на виду... Кто её замуж возьмёт с такой славой?..

Яна похолодела от самых чёрных подозрений. Неужели девчонку соблазнил и бросил кто-то из солдат гарнизона или проезжих купцов, поманивших перспективой взять в жёны? С крестьянскими дочками такое сплошь и рядом происходило. Но оружейники в табели о рангах стояли выше, опозорить дочь кузнеца – это, знаете ли, уже не только штрафом пахнет, а самое меньшее битьём палками. Правда, самой девушке от этого лучше не становилось. С такой славой и вправду хоть в речке топись, или в бордель иди, что не лучше.

– Что случилось? – пожалуй, чуть громче, чем следовало, спросила она. – Кто её обидел?

– Госпожа Цзян Фэй, сотника нашего жена, – прорыдала Чунпин, и у Яны отлегло от сердца. – Велела она нам с доченькой прибраться в её доме, да не бесплатно, а за двадцать цянй. Мы и пошли, деньги лишними не бывают.

А потом... Соседушки, дорогие, вы ведь знаете наш дом! Всё чисто, нигде ни соринки, посуда всегда вымыта, вещи выстираны! А уж госпоже, раз велела, послужили на славу. Но она... она нам сказала, что мы нерадивые хозяйки, развели в её доме грязь и вонь, и она велит служанкам всем рассказать об этом... И не заплатила... За что это нам? Разве мы плохо ей служили? Мне-то уже всё равно, а девочке моей как теперь быть? Ни одна сваха теперь не возьмётся ей мужа найти-и-и!..

«И только-то? – подивилась Яна. – И из-за такой мелочи, как слухи, распущенные лживой стервой, они убиваются?.. Хотя да. Тут правда не важна. Важно, что скажут на базаре, а там умами владеют именно склочные стервозины... Но делать всё равно что-то надо».

– Что мы можем сделать для тебя, дорогая? – спросила она, постаравшись, чтобы её голос прозвучал как можно мягче. И намного тише. Нужно сбить накал, Чунпин уже на грани неуправляемой истерики.

– А что мы можем, милая соседушка? – плакала та. – Она богатая и знатная, а мы кто?

– Это она-то знатная? – фыркнула вредная Ван, самая языкастая из кузнечих. – Наш-то сотник восьмой сын обедневшего гуна, ему эту дрянь и сосватали ради её приданого. Это мать у неё из знатных, а отец из купцов. Забогател с чего-то, ему и сосватали десятую дочку одиннадцатого сына какого-то гуна, у которого всего-то имения осталось – один захудалый двор. Это крестьянам надел дробить нельзя, а знатым можно, вот и додробились до нищеты, рады были и зятю-купцу.

– Ты-то откуда знаешь? – удивилась старуха Чжан.

– Да уж знаю! Я про неё ещё не такое знаю! – у Ван яростно заблестели глаза. – Как она на мужа кричит, каждым куском попрекает, и слова ей поперёк не скажи, мигом папаше и мамаше нажалуется. То-то наш сотник такой лихой вояка. Ещё бы – каждый день с эдаким демоном в собственном доме дело иметь, тут любые чжурчжени с киданями щенятами покажутся! А ещё она взятки даёт, чтобы её братика на хорошее место пристроили. А ещё...

– Ты у нас всё про всех знаешь, – едко осадил её третья кузнечиха, Чен. – А что поделывать Чунпин, тоже подскажешь? Или только подглядывать-подслушивать за всеми можешь?

– Погодите, – Яна встряла, пока не начался бабий гвалт. – Может, я неверно сужу, но с моей стороны дело видится так: жена сотника, чтобы не платить за работу, оболгала Чунпин и её дочь, и велела служанкам разнести эту ложь по всему Бейши. Так?

– Так, – подтвердила Чжан. – Тебе-то что?

– Как это – что? Или я не одна из вас?

– Хмм... – старая кузнечиха посмотрела на неё так, словно в первый раз увидела. – И то правда. Тогда скажи, как там у вас, на западе, в таких случаях поступают?

– У нас принято отвечать тем же.

– Э-э-э... Прости, не поняла.

– Если бы эта история произошла на западе, оболганная женщина не стала бы так переживать. Она сама распустила бы такие слухи об оскорбительнице, что та пожалела бы о содеянном.

– Так нам и поверят, скажут, что мы со зла.

– И это будет правдой, – рассердилась Яна. – Может, мне просто сходить да поговорить с ней?

– Не ходи, – хмыкнула Ван. – Ещё пришибёшь, ты ж молотом машешь, как мужик, а потом тебе голову долой за смертоубийство. А семье твоей в ссылку.

– Дальше Бейши не сошлют...

– Много ты знаешь, – заворчала старуха. – Если у нас накажут, то так, чтобы всем неповадно было. А тебе вот что скажу: не лезь к сотничихе. Не ради денег она это сделала.

– А ради чего? – встряла Ван.

– Знаю я таких женщин. Им слаще любых денег – власть. Ради этого готовы на всё. А у этой нет иной возможности властвовать, кроме как унижать всех, кто менее знатен и кому некуда деваться. Вот Чунпин... Разве она станет писать жалобу, что сотничиха ей не заплатила за работу? Если и станет, то кому? Только сотнику. А тому жена дома такое устроит, что он сам повесится. И во время разбирательства жёнушка корыто помоев на голову Чунпин выльет, да все её служанки подтвердят. Нет, жаловаться – себе же хуже. Сотничиха это знает, и потому будет нас унижать. Сегодня Чунпин, завтра ещё кого из нас. Вот к тебе, Янь, к последней привяжется. Ты – жена старшины мастеров и чужестранка. Человек непонятный, а потому опасный. Опять же, в кузнице работаешь. Но унижить именно тебя будет для неё самой большой радостью.

– Испорчу я ей эту радость... – процедила Яна. – Нет, не думайте ничего плохого. Просто, у нас есть одно искусство... Я не знаю, как его назвать по-ханьски, но смысл в том, что оскорбителя унижают самым вежливым обращением и самыми учтивыми словами. Но оскорбитель при этом чувствует себя оплётанным, все это видят, и он ничего не может поделать: с виду всё безупречно.

«Слово „дипломатия“ в китайском точно есть, – подумала она при этом. – Только вкладывают здесь в него совсем другой смысл. Изначальный, я бы сказала».

– Да, – добавила она, заметив, что Ван опять собирается вставить едкое замечание. – Нельзя допустить, чтобы эта... дама унизила нас и наши семьи. Раз уж я её цель, значит, так тому и быть. За обиду Чунпин я и посчитаюсь. А у вас спрошу совета, как это лучше сделать.

Женщины, все разом, посмотрели на неё с опаской... нет, не так – с плохо скрываемым страхом. Даже Чунпин перестала рыдать.

– Да ты-то... Ты ж её только разозлишь ещё сильнее, – к ней к первой вернулся дар речи. – Нам всем потом тут жизни не станет.

– Хорошо. Тогда я отказываюсь от своих намерений, и пусть эта гадина всех унижает. Так годится?

– Так тоже не годится, но должен же быть выход! Может, мастер Ли с сотником поговорит?

– Если сотник сам на свою жену управы не имеет, то мастер тем более не уговорит его заступиться, – неожиданно вступилась за Яну старуха Чжан. – Что это будет за крепость, в которой начнёт заправлять злобная стерва, я уже представляю. Но и на рожон лезть нечего. Тут тебе не запад, Янь, силой мало чего добьёшься. Повторяю: не лезь к сотничихе. А вот что ты там говорила про слухи... Если б они пошли, да и не от нас... Такое устроить можешь?

– Попробую, – сказала Яна, сразу подумав о дедушке Лю и его трудолюбивом семействе.

– Вот и займись. А вам, соседки, одно скажу: сотничиху и её прислугу – всем! – обходить десятой дорогой. Не давайте ей возможности прицепиться. Когда слухи расползутся, да её ушей достигнут, она сама задёргается. Если умная, то всё поймёт и притихнет. Если дура – наделает ошибок, и тогда настанет черёд жалоб. Писать я умею, уж сочиню чего-нибудь для сотника.

– А почему для сотника? Разве не наместнику положено жаловаться? – тоненько пискнула самая молоденькая из кузнечих.

– Вот ещё, – фыркнула Ван. – Оно-то, может, и по закону, только сотника жалко. Мы нажалуемся, а он из-за дуры жены должность потеряет. Нет, не будем позорить человека перед начальством.

Затем женщины, дружно заверив Чунпин, что спускать оскорбления не намерены, разошлись по дворам.

Что и говорить, ситуация неприятная. Сказать честно, Яна только сейчас начала понимать, от какого гадючника Юншань хранил её всё это время, с самого первого дня. Жена коменданта крепости с претензиями на знатность и склочным характером – это тот ещё подарочек в коробочке с бантиком. Такой не ответишь насмешкой на оскорбление. Здесь в ответ на унижения принято кланяться и благодарить, что соизволили обратить внимание. Но уж что-что, а искусство поблагодарить так, чтобы высокопоставленный хам при этом чувствовал себя по уши в... э-э-э... грязи, Яна в своё время усвоила отлично. В самом деле, зачем кричать и материться? Нервы дороже. А результат всё равно тот же. Очень, знаете ли, полезно при ведении бизнеса. Теперь предстояло переложить это умение на местный лад и применить. Причём права на ошибку у неё нет.

Задумавшись, Яна не заметила, что стоит посреди двора, там, где Сяолан рисовала иероглиф «гуан». Что-то знакомое показалось в этом рисунке. Как будто где-то его уже видела. Притом совсем недавно.

И, в такт мыслям, качнулся в ложбинке между грудей кулон-ключ...

Иероглифы на нём! Их два, и один из них...

Так и есть. «Гуан». Немного другое начертание, ну, так Сяолан не каллиграф, а ребёнок. Какое там значение?

«Разрыв», «отсоединение»? Ничего себе ключик... А второй знак, который на обратной стороне, что означает?

Нет, ребёнка беспокоить не нужно. А вот потихоньку мужа выпросить – вполне. Мастер второго разряда обязан быть не просто грамотным, а знать много иероглифов.

«М-да, – подумала Яна, пряча кулон обратно под платье. – Жизнь заиграла яркими красками и вошла в привычную колею. На встречную полосу, ага... Экзамен, проблемы с сотничих

хой, иероглифы на ключе... Ладно, будем решать проблемы по мере их возникновения. Завтра схожу на базар и заодно поговорю с дедом Лю. Вот кто мастер насчёт сбора и распространения слухов. Подкину денежку, пусть расстарается».

– Скажи, мастер – не в обиду, конечно, такой вопрос, а любопытства ради – твоя жена, она... вообще кто?

– В каком смысле?

– В обычном. То она копьём размахивает, то в кузнице работает и узорчатую сталь варит... По повадкам не дикарка, а всё же культура её народа какая-то странная. Вот скажи, зачем обычной женщине работать в кузнице? Разве у неё в доме мало работы?

Мастер Ли чуть повёл кистью руки, пуская невысокую волну в чашке. Разумеется, пили они сливовое вино – обычное для его родных мест и диговинку здесь, посреди степи. Но оружейники могли себе его позволить вечером выходного дня... Разумеется, он знал ответ на вопрос старика Чжана. Но как объяснить им то, что ему было понятно без всяких объяснений?

– Она другая, – сказал мастер. – Не хуже и не лучше нас. Просто – другая.

– Персы тоже другие, но у них многое, как у нас.

– То персы. Их много. Нас ещё больше. Мы можем себе позволить заниматься всю жизнь одним делом, – проговорил мастер. – А народ Янь живёт в таких суровых местах, где земля не прокормит народ, не умеющий защитить от врагов ни себя, ни свои труды. Пока мир, они тоже живут почти как мы. Но если нападает враг, воинами, как она говорит, становятся все, кто может держать оружие. Женщины заменяют мужчин на пашне, у кузнечных горнов, у плавильных печей, в мастерских... или в армии, вставая на место погибших отцов и братьев. Янь говорит, иначе не выжили бы. Или сидели бы, не высывая носа из лесов и одеваясь в шкуры.

– Вон оно как... – протянул Чжан. – Выходит, их мало.

– Для запада – достаточно много. Здесь они бы затерялись среди народов империи.

Сказал – и понял, что это лишь часть правды. Той самой, что он понял, когда всю ночь сидел с женой над второй плавкой узорчатой стали. Они тогда о многом переговорили, и ему показалось, что истина об этой странной и удивительной женщине приоткрылась... Что она тогда говорила? Да, много чего. Только сам же всё испортил. Хань не считают приличным выносить за пределы супружеской спальни то, что там происходит между мужем и женой. Более того, даже прилюдные объятия и поцелуи недопустимы. Но ночь... но пустое подворье мастерской, где стояла плавильная печь... Они целовались, как подростки, дорвавшиеся до телесных радостей. Только весёлый писк жены: «Плавку запорем!» – заставил его прийти в себя и разжать объятия, но здраво мыслить он уже не мог. Когда же, по окончании плавки, пошли в домашнюю баньку... Приличия распространялись и на баню, но он был безумен и овладел женой прямо там. Возражений с её стороны не было. Она лишь шептала ему: «Мы сошли с ума, любимый...»

Но что он успел понять до того, как поддался безумию?

Воин. Кузнец. Жена и мать... Кто она ещё? Скольких её лиц он ещё не видел?

У хань одно лицо, которое нужно хранить. У неё – множество. И все настоящие. Вот она, истина, приоткрывшаяся ему на ночном подворье, у горящей печи.

Жена и мать она уже навсегда. А кузнец или воин – когда нужно. Интересно, если ей потребуется торговать, она сможет быть купцом? Скорее всего, да. Вела же дела, оставшиеся после смерти первого мужа, и, судя по количеству золота и серебра, весьма успешно. А если, не допусти Небо, поставить перед ней задачу сдать экзамен на должность чиновника? Тоже справится? Она ведь и об этом говорила.

«Ваша жизнь устроена целесообразно, – сказала она тогда. – Каждый знает своё место и что ему на этом месте делать. Всё хорошо до тех пор, пока... всё хорошо. Но случись что-то страшное, вы просто не будете знать, как дальше жить. Например, представь, что утром ты

встал, а твои инструменты украдены, кузница сожжена, а подвоз слитков прекратился. Всё. Ты почувствуешь себя бесполезным и опустишь руки, потому что больше ничего не сможешь дать общине. А я начну искать другой способ прокормить семью. И найду. И прокормлю. Надо будет – заучу наизусть труды Кун Цзы и сдам экзамен, вопреки всем предрассудкам. Ты не можешь сменить свою роль, любимый, а я могу. Вот вся разница между твоим воспитанием и моим».

А хорошо ли это? Вот первый вопрос, который посетил голову мастера, когда все частицы головоломки сложились в целостную картину.

Нет, положительно, не стоит сейчас мучить себя такими глубокими размышлениями. Лучше допить вино и идти домой. К детям. К любимой. К её весёлому: «...И конечно же, это был чай...»

Срок, отведенный сотником, подходил к концу. Мастеру Ли не в чем было себя упрекнуть, он исполнил повеление непосредственного начальника так хорошо, как смог. Обрёл любимую женщину и ещё одного сына. Узнал секрет выплавки узорчатой стали. Что ещё нужно для счастья скромному мастеру-оружейнику?

– Простолюдины! – она выплюнула это слово с отвращением, как площадную ругань. – Вокруг нас одни простолюдины! Неужели ты не мог попросить родственников выхлопотать тебе место поближе к столицам? Обязательно нужно было ехать в такую глушь, где не с кем разумным словом перемолвиться? Где ты думаешь искать мужа для нашей старшей дочери? В юртах киданей? Так-то ты заботишься о своей семье!

Сотник Цзян многое мог бы сказать своей красавице жене... этой бешеной собаке, не иначе как по наущению злых духов древности сосватанной семнадцать лет назад молодому «подающему большие надежды» десятнику. Мужа дочке ищут именно в столице, и не могут найти из-за вздорного нрава её матери, о котором уже легенды слагают. В захолустье они по той же самой причине, между прочим.

Уже шестое место службы, и везде эта сука умудрялась настроить общество против себя и своей семьи, тыча всем под нос знатностью своей матери. Но если он сейчас раскроет рот, чтобы всё это высказать, последуют гневные вопли: «Не забывай, на чьи деньги ты живёшь!» Вот ведь тварь... Яовэнь хорошо знал тещу, действительно знатную, утончённую даму с безупречным вкусом, собиравшую в своём доме любителей поэзии и искусств. Достопочтенная Фэй Ян Йинг ещё на свадьбе сказала ему: «Прости, сынок. И на дереве с безупречными цветами родятся кислые сливы». Её дети, и дочь, и сын, к величайшему сожалению матери, оба удались в отцовскую породу. Тому кружило голову обретенное богатство, а им, помимо денег, сознание родства со знатью. А поскольку факт родства со знатью не является гарантией наличия ума и благородства души, то страдали все окружающие.

О Небо... Что творилось, когда сотник получил приглашение на свадьбу мастера Ли! Жена кричала о неслыханном оскорблении, о «возомнивших о себе простолюдинах», о том, что пришлёт вместо себя дюжих слуг с палками, дабы вколотили должное почтение в головы кузнецов. Тогда он впервые в жизни ударил женщину. Не кулаком, просто вlepил пощёчину и велел заткнуться. Старшина оружейников – это не какой-то там деревенский кузнец, это его непосредственный подчинённый. Вроде десятника, только по другой части. Не принять его приглашение – значит, оскорбить. Принять – напроситься на очередной скандал в доме. Впрочем, к скандалам он уже привык.

Скандал потом всё-таки был. Ещё какой. А поводом послужил дар благодарности госпожи Ли Янь – красивое тяжёлое серебряное кольцо с гладко отполированным чёрным камнем. «Ты ещё и подарки от них принимаешь?!» Он тогда выпил достаточно, чтобы ударить жену во второй раз, а затем со странным равнодушием наблюдал её истерику, перешедшую в корчи. Почему-то не сомневался, что они прекратились, едва он шагнул за порог комнаты. Но с того дня, стоило жене учуять идущий от него винный перегар, как она меняла свои планы

на вечер и пряталась. Потому за месяц сотник выпил больше, чем за всю предыдущую жизнь, жалея, что не догадался сделать этого раньше.

Сегодня пить было нельзя: приезжал наместник с инспекцией, проверял, как идёт строительство, и интересовался, успеют ли до осенней распутицы разместить переселенцев, которые вот-вот должны прибыть с зимними припасами. Ходом работ наместник был удовлетворён, выправкой солдат и условиями их содержания – тоже. Обещал в будущем году прислать для постоянного проживания в Бейши своего представителя, а это по умолчанию означало увеличение посёлка и числа его жителей. Сетовал, что тюркский каган Ашина Хушэло плохо исполняет вассальные обязанности, его подданные совсем распоясались, воюют друг с другом и попутно нападают на торговые караваны, потому приходится держать в этих местах сильные гарнизоны... Словом, сегодня сотнику не перепало ни капли вина, и жена этим мгновенно воспользовалась.

Вечером Цзян Яовэнь заходил в гости к мастеру Ли. Ненадолго – только пожелать здоровья и напомнить, что вскорости его супруге предстоит отвечать на расспросы. Казалось бы – обычный дом старшины ремесленников. Ни изысканных ваз, ни рисунков на дорогой бумаге, развешанных по стенам, ни шелковых одеяний и сложных причёсок, а в доме так уютно, что не хотелось уходить. Мастеру повезло с женой и детьми. И... сотник поймал себя на том, что дико, до волчьего воя завидует ему. Сейчас особенно сильно.

– Ты слишком потакаешь им, – продолжала жена. – Подумаешь – оружейники! Мало ли оружейников в империи? Любой будет счастлив послужить хуанди под твоим началом, только прикажи. Нет, тебя всё носит и носит к этой семейке... Скажи правду: тебе понравилась белая западная жердь? Так заведи её в наложницы. Заставь мастера дать ей развод, заведи и делай с ней что хочешь. Одной больше, одной меньше... Всё равно выгонишь её через два-три месяца, как и прочих. Только умоляю, не появляйся больше в этом клоповнике! Не позорь нас!

Сотник усмехнулся. Насколько он понял, на западе не принято терпеть оскорбления, зато принято мстить за оные, желательно немедленно. Сословная разница решающего значения не имеет, разве что при наказании за свершившееся возмездие. Хорошая идея – привести в дом женщину, которая самое позднее на третий день удавит его законную стерву. Но это из разряда несбыточных мечтаний: смертельно оскорблять мастера Ли, отбирая у него любимую жену, он не будет даже в мыслях.

– Замолчи, женщина, я устал. У меня болит голова, и я желаю отдыха, – сказал он.

– Ты никогда не желаешь меня выслушать! Бесчувственный, грубый вояка! Я с тобой, в эту глушь, а ты... – обиженно фыркнула жена, и, взмахнув широкими рукавами тонкого шелкового платья, выбежала из комнаты.

Наконец-то тишина. О Небо, какое же это счастье!

Дела у торговли Ло шли сегодня не слишком-то бойко. Овощи – хорошая штука на прилавке, но не тогда, когда чуть не у каждой семьи есть огород. Рыночек тоже, право слово, захудалый. Одна надежда, что городок растёт. Может, в будущем году дела получше пойдут.

Тётка Ло уже отчаялась продать сегодня хоть что-то: полдень, а почина даже нет. Будто сглазил кто. На крестьянских баб, шаставших туда-сюда в поисках недорогой рыбы – а где тут недорогую рыбу сыщешь? в речке разве – расчёт понятен какой. Оставалось надеяться, что придут кузнечихи или жёнки мастеров-кирпичников, те если и держат огородики, то невеликие, а семьи большие, и деньга в доме водятся. А пока их принесёт, можно послушать, о чём бабё болтает.

Не иначе само Небо сжалилось над торговкой: солнце ещё не очень сильно сдвинулось, а в конце овощного ряда показались две женщины. Конкурентки – все три штуки – разом заголосили, нахваливая свой товар, но где им перекричать горластую Ло!

– Тыквы, тыквы! Свежайшие тыквы! – её голос смял, подавил и уничтожил голоса соседок. – Лучшие тыквы для госпожи!

Ей показалось, или это жена старшины кузнецов? О, везение! Она часто покупала именно у неё и никогда не пыталась торговаться до предела, знала меру. Будет почин. И рука у неё лёгкая, после неё торговля частенько шла бойчее. И подруг своих из кузнечной слободы сюда направляет, а кузнечихи потом нахваливают печёные тыквы с начинкой из риса и курятины, сделанные по рецепту женщины с запада. У неё, тётки Ло, купленные, между прочим. Видать, получше, чем те, к которым госпожа там у себя на западе привыкла, раз приходит снова и снова. Вот и сейчас, не задерживаясь у других палаток, направилась прямо к ней. Обиженные невниманием соседки хмуро замолчали.

– Доброго здоровьица вам, госпожа Ли Янь, – расплывшаяся в довольной улыбке тётка Ло раскланялась.

– И вам того же, тётушка Ло. Ну, показывайте нам самые спелые тыквы в Бейши, выбирать будем.

Старуха-служанка тихонько хихикнула, тогда как разбитная тётка засмеялась в полный голос.

– Других не держим, госпожа моя, других не держим! А вот они, родимые, только вас и дожидались...

Постоянная покупательница знала толк в тыквах. С одной стороны, немного обидно, что выбирает она всегда самые лучшие – завалившиеся не спихнёшь. С другой – хорошо платит и никогда не скупится на доброе слово. Не то что служанки сотничихи: норовят купить хорошее по цене лежалого, жмутся за каждый цян. Можно подумать, из своего кошелька платят. Ещё и злословят; вот уж точно, какие хозяева, такие и слуги. Правда, не на ту напали. Тётка Ло и сама могла так загнать, что солдаты краснели от смущения, а по части сплетен ей вовсе не было равных.

Выбор был сделан. Две лучшие тыквы заняли место в корзине парнишки-носильщика, внука старого Лю, тенью следовавшего за госпожой и её старой служанкой, а монеты, сопровождаемые обязательным «спасибо», были нанизаны на поясной шнурок. Сделка совершена к обоюдному удовольствию. И вот тут тётка Ло была вознаграждена вторично, ибо госпожа и служанка заговорили между собой. Вернее, возобновили разговор, прерванный необходимостью покупки тыкв.

– Нет, Гу Инь, – сказала госпожа. – Ты не права. Её не осуждать надо, а пожалеть. Может, на неё саму кто порчу навёл. Такая красивая женщина... Могли же ей позавидовать, верно?

Порча? О, это интересно. Тётка Ло наострила уши.

– А кому не завидуют? Разве что мне, старой, – проворчала бабка. – Много вы, молодые, в жизни понимаете.

А я всякое повидала. Глаз у неё дурной, вот что. Никто такую порчу не наведёт, с дурным глазом только родиться можно. С кем глазами ни встретится, всем несчастье будет. Не верите, госпожа? А с чего это сотник пьёт, не просыхая? А с чего это её дочку замуж не берут? Всё от дурного глаза, попомните моё слово!

Последнее тётка Ло уже еле расслышала, ибо женщины, старая и молодая, ушли уже в конец ряда. Но какова новость! Дурной глаз – это почище любой порчи! Да у кого – у жены сотника! То-то торговля сегодня не задавалась: ведь с утра приходила эта кривляка, служанка сотничихи. Покрутила носом и ушла ни с чем. Точно – сглазила! Раз всё время при госпоже, и несчастья на ней нет, значит, сама такая же дурноглазая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.